

СМЕНА

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б), ПРАВДА

Взят старт...

БЕГУНЫ В ЛЕСУ

В сентябре прошлого года в совет спортивного общества «Шершняк» Московского текстильного института пришла телеграмма из Западной Украины:

«Снабко за подготовку в кроссах, она пригодилась нам для выполнения заданий правительства».

Телеграмму подписали студенты-текстильщики, участвовавшие в историческом освободительном походе Красной Армии.

Спортивные навыки бойцов прежнее использовались в славках с бандами польского офицера.

Что же такое кросс?

Кроссом называется бег в естественных условиях, преимущественно в лесу. Это прекрасное физическое упражнение, развивающее тело, укрепляющее сердце, легкие, нервную систему.

Кросс вырабатывает такие необходимые в военной обстановке качества, как быстрота, выносливость, умение ориентироваться в обстановке и легко преодолевать препятствия.

Первым кроссменом на свете, сам того не подозревая, был первобытный человек. Преследуя во время охоты дикого зверя, он мчался по лесу, двигаясь среди деревьев, пробираясь через кусты, прыгая через ручьи и овраги. Чем больше отдался человек от первобытных времен, тем сильнее вооружался техникой, тем реже он испытывал жизненную необходимость в беге по лесам и оврагам. Бегать легко и быстро, экономно каждое движение, стало уже спортивным искусством.

Значение кроссов огромно. Кроссы — неизменная часть индивидуальной тренировки каждого культурного спортсмена. У знаменитых стайеров братьев Знамских кроссы были первой ступенью спортивной подготовки к рекордам.

Ежегодно в мае по всему Советскому Союзу проходит массовые кроссы имени тов. Шверника. В 1939 году на старт этого кросса вышло 480000 бегунов страны!

В Москве стали традиционными майский кросс имени газеты «Комсомольская правда» и октябрьский кросс имени наркома обороны маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова. Эти кроссы привлекают ежегодно десятки тысяч участников.

Первый воршиловский кросс состоялся 30 октября 1927 года. Был дождливый осенний день. На одной из лужаек Останкинского парка собра-

лось 126 бегунов. Первым финишировал на пустыньем стадионе ЦДКА в Сокольниках динамовец Григорий Потемин. Он пробежал 9 километров в 38 минут.

Двадцать лет спустя, в 1939 году, на старт «воршиловского кросса» вышли 23 130 бегунов. Холодный октябрьский день, казавшись, поспедел от яркого цветения миск. Колона на колоной стартовала у огромных кумачевых транспарантов с четкой белой надписью «Старт». Воздух дрожал от pistolетных выстрелов стартеров, грохота оркестров, гула тысяч человеческих ног, аплодисментов... С

утра до вечера между соседями парку несся стремительный поток бегунов...

Лучшие результаты в кроссе за последние годы показали Серафим Знамский (10 километров — 31 минута 40 секунд), Соболев и Романов (2 километра — 6 минут 55 секунд).

Тренирующиеся спортсмены ведут так называемые «индивидуальный дневник тренировок». Обычно это скучные записки о самочувствии, о спортивных результатах, о тренировочных упражнениях.

Дневник московского физкультурника А. Камышова представляет исключительно из этого правила. Вот интересная запись, сделанная 15 мая 1937 года.

«...Мы переоделись, собрались в очередной кросс, когда грянул дождь — осенний, проливной, крупный. Небо затянуло безнадёжная серая пелена, и дождь, каваюсь, конца не будет. Но прошло всего несколько минут, в разрывах туч заискрилась глубокая синева. Шагнув по лужам, мы отправились в парк.

Багстага влажная трава, качалась ветви, мгновоный град сорвавшихся с деревьев капелек обдала нас, а мы бежали среди этого зеленого великолепия Сокольников».

Мать на бегу траву, перескакивая через лужи и канавки, нырять под низко сложенные ветви, обгнать куст и дышать смелым, проникающим во все поры воздухом — это можно назвать счастьем. Честное слово, ощутить вот с такой полнотой, что твои ноги могут бежать не уставая, что сердце не делает перебои, что кровь горяча, — это большое счастье».

С. ГРЕСКИИ

В лесу...

22 апреля 1940 года исполняется 70 лет со дня рождения величайшего земляка человека — Владимира Ильича Ленина. Память о нем всегда живет в сердцах трудящихся всего мира. На снимке: Владимир Ильич Ленин на отдыхе в Горках.

ЛЕНИН

Зажигаем костер —
огонь поет о тебе;
Тем ли новый ковер,
— лишь тронь, — поет о тебе;
Начинаем ли сказку —
великаны поют о тебе —
Так проходит зима,
день за днем,
с именем Ленини.

Устремляясь в полет,
птицы поют о тебе;
Пробиваясь сквозь лед,
травы поют о тебе;
Таа весним ручьем,
жесткий снег поет о тебе —
Так весна начинается в мире
с именем Ленини.

Над вершинами гор
самолет поет о тебе;
Бесконечный простор наших нив
поет о тебе;

На глубинах морей
белый жемчуг поет о тебе —
Так ярко цветет
лето ясное
с именем Ленини.

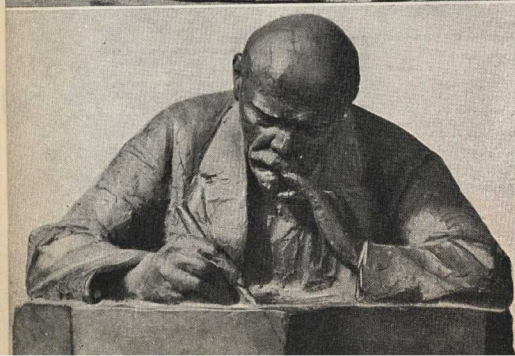
В густолистных ветвях
красный плод поет о тебе;
Золотая ичела, собирая свой мед,
поет о тебе;
В звездах ярче огней
круглый год небосвод
поет о тебе —
Величайший из всех, кто велик был,
великий Ленини.

Зацветая зарей, заклятая грозой,
с нами Ленини;
Жизнетворным ключом
и надежным мечом —

с нами Ленини;
В каждом сталинском слове,
в каждом сталинском деле —
с нами Ленини;
Направляя нас к цели,
сквозь огонь и метели,
с нами Ленини.

Пусть проходит века,
не иссякнет река —
Ленини — Сталини...
Не померкнет заря,
над землею горь,—
Ленини — Сталини...
Никогда не умрет
на планете народ —
Ленини — Сталини...
Вечен диск оборот,
да цветет, да поет —
Ленини — Сталини!..

ЭФЕНДИ КАПИВ

НОВО

Образ великого Ленина запечатлен в предельно творческих русских скульпторах Н. Андреева. Много лет работал художник, стремясь верно, правдиво передать в скульптуре образ Владимира Ильича. Он искал с ним встреч, бывал на тех митингах, собраниях, съездах, где выступал Ленин. В мае 1920 года скульптор начал работать в кабинете Ильича, наблюдал Ленина в непосредственной близости. Результатом больших творческих исканий и явились те замечательные портретные скульптуры, в которых Ильич предстает перед нами таким, каким он был в жизни: простым, человеческим.

На снимках: скульптуры В. И. Ленина работы Н. Андреева.

Воспоминания о Владимире Ильиче

С Владимиром Ильичем я познакомилась лично осенью 1905 года в Женева, но переписка между нами началась значительно раньше. В 1894 году Перепишка того времени была очень оживленной и носила не только деловой характер, но и чисто дружеский. Как часто в письмах Ленина звучала попка заботы о том или другой работнике, просьба побережь себя. Несколькими словами умел Ильич подобрать, поддержать товарищ.

Вспоминается письмо, в котором Ленин высказывал свои соображения о том, как должны вести себе социал-демократы на суде. В 1904 году царское правительство ввело новое уголовное наказание: привлекаемые по политическим делам подлагали суду вместо прежней исключительно административной расправы. Нам важно было определять, каким должно быть поведение членов партии, посланных поименно на скамью подсудимых. Письмо Ленина по этому поводу широко известно. Оно было адресовано мне и товарищам по московской термам.

И хочу возобновить в памяти только приписку к этому письму, где Ильич писал: «Большой, большой привет Курцу, Рубену, Бумажу и всем друзьям. Не узнавайте! Дела у нас теперь пошам хорошо. Со скандалами мы развелись наконец. С тактической отступания порвали. Теперь мы наступаем. Русские комитеты тоже начинают разваливаться с дезорганизаторами. Газета своя поставлена. Практический центр свой (борю) есть. Газеты вышли два номера, в-первых (23.05) нового стиля выйдут 3-й. Надеемся выкупить еженедельно. Желаю здоровья и бодрости!»

Обращая внимание читателей на то, как в этой приписке мысли Ленина о крупнейших политических событиях перемешиваются с мыслями о товарищах, с заботой о них. А ведь это была эпоха создания своей, большевистской газеты и напряженной борьбы за новую — марксистскую — партию.

Внимательным к людям Ленин был всегда. Помню, в 1919—1920 гг., в период мой работы в ЦК партии, мне частенько приходилось говорить с Владимиром Ильичем по телефону о том, что тот или другой товарищ нуждается

в отпуске, в поправке здоровья. Ильич без промедления соглашался с членами Политбюро и затем сообщал мне: «Елена Дмитриевна! Запишите, что Политбюро постановило товарища (имя рек) отправить на неделю (две недели) в отпуск».

В памяти запечатлелось такое сообщение о Ф. Э. Дзержинском, которого отправляли

отдыхать в Нарофоминский совхоз. Решено было послать тов. Дзержинского в Нарофоминский совхоз по той причине, что там нет телефона и, следовательно, Феликс Эдмундович будет вынужден отдыхать, а не «работать по телефону».

В марте 1919 года тяжело заболел Яков Михайлович Свердлов. Ильич был очень встревожен и много раз в день по телефону спрашивал о больном.

«Испанка», которой болела Свердлов, заразна, и поэтому я больному Владимиру Ильичу не хотел пускать. Но он все-таки пришел. Это было накануне смерти Якова Михайловича.

Как живая у меня перед глазами фигура Ильича, уходящего от Свердлова. Ильич видел, что смерть товарища близка, и шел, наклонив голову, как бы прощаясь с ним и не глядя по сторонам, чтобы сохранить в памяти его облик.

Среди разнообразнейших и очень сложных дел Ленин умел находить время, чтобы разобиться с товарищем, об окружающих.

А. Фотиева вспоминает, как Владимира Ильича беспокоило то, что у товарища

Сталина квартира рядом с кухней и шум мешает ему спать. Ленин поручает подготовить товарищу Сталину спокойную квартиру.

Как возмущается Ильич, когда узнает, что лифт в Управлении делами Совнаркома не будет работать три дня и Ленин пишет записку: «Этот возмущающийся. Есть люди больше сердца, чем пом'ем люди и ошени. Я тысячу раз поручал следить за лифтом, назначив ответственного лица».

Удивительная сердечность не мешала Владимиру Ильичу быть резким и требовательным, когда он выходил, что работники недостаточно аккуратно, тщательны.

Владимир Ильич обрушивался на нас, если мы работали не так, как требовали очередные задачи партии.

Вот, например, отрывок из письма Владимира Ильича, которое относится к февралю 1905 года.

В этом письме Ильича крепко ругал товарищ за то, что они не принадлежали к работе молодежи.

Он писал:

«Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо растеривать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что амей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, не боясь ее. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неполнозначности, чиновничества и пр. Основнейшее на молодежи с отги кружок апроденцов и поощряйте их работать во-всю. Расширяйте комитет в-гроз с приемом молодежи, создавайте питок или десюток подкомитетов, «контрируйте» всякого и всякого честного и энергичного человека».

Владимир Ильич умел превосходно учить людей работать. Я испытала это лично вот при каких обстоятельствах. В сентябре 1905 года меня послали за границу, в Женеву, в качестве технического моего агента ЦК партии. Там я, конечно, первым делом отправилась к Ильичу, и он тут же начал задавать меня вопросы о том, что творится в Питере и в России вообще. Он интересовал, чтобы и сделала доклад для нашей колонии.

Я готовилась к докладу — составляла план, тезисы и т. д. — под непосредственным руководством Владимира Ильича. Дважды-трижды с ним исправляла то, что я ему представляла, и этим самым учила меня работать над докладом.

Требовательный к другим, Владимир Ильич сам дисциплинирован был замечательно. Каждое дело, каждое партийное поручение выполнялось им изумительно точно, тщательно. После IV съезда РСДРП, в Петербурге началась

В. И. Ленин разговаривает с красноармейцем. Рисунок худ. В. Щедрова к книге А. Н. Толстого «Хлеб».

1 Курц и Рубен — партийные камины Ф. В. Леитника и С. К. Минувца.

кампания по выборам в Государственный думу. На всех крупных фабриках и заводах устраивались собрания для подготовки этих выборов. По своим обязанностям секретаря Петербургского комитета партии я направляла на предприятия доклады. В числе их была у меня в списке и Ленин. Ни разу Владимир Ильич не присутствовал, когда ни разу на соседня на него. На другой день после доклада он приходил на явку и точнейшим образом сообщал о количестве присутствовавших, о вопросах, которые были заданы, о результатах на заводе или фабрике.

Даже в «мелочах» сказывалась дисциплинированность Ильича.

В 1918 году, вскоре после переизбрания съездом правительства в Петрограде в Москву, произошел такой случай. Владимир Ильич возвращался к себе на квартиру, в Кремль. Ему нужно было пройти мимо часового, которому был отдан командантом Кремля строгий приказ: никого без пропуска не пускать. Ильич забыв ваять пропуск в комендантуру, и часовой — молодой русский, который никогда не видел Ленина — ни за что не хотел впускать его. Ленину пришлось пойти в комендантуру, и только тогда он смог попасть к себе домой. Часовой, узнав, кого он не пропустил, на другой день пришел к Ильичу просить прощения. Ильич ответил ему, что извиняться не за что: виноват я сам, не часовой, а сам Владимир Ильич, который хотел проехать без пропуска, нарушая требования, установленные советской властью.

Точно соблюдал Ильич время начала заседания ЦК партии под председательством Владимира Ильича. Начинаясь всегда аккуртно, в указанный час. Сверх назначенного времени давалось лишь 15 минут, которые Ильич называл на французский манер quart d'heure de grace (то есть 15 минут из милости). Этой точности нередко было бы поучиться многим нашим рабочим, чтобы не заставлять терять дорогое время, которое, как говорит товарищ Сталин, стхановцы считают секундами.

Когда шло прения, Владимир Ильич с хронометром в руке судил за регламентом и часенко говоря, обращая к кому-либо из выступавших:

И я вам дау уже помянуть миншк. Ильич не позволял присутствующим во время заседания разговаривать между собой. Он точен же кача головой и говорит: — Тесте.

А если нужно было что-то сообщить товарищу, то Ленин жестом предлагал написать записку. Обмен записками очень редко бывал очень необходим, но это не мешало ведению заседания и выступавшим ораторам.

Как известно, Ильич не выносил табачного дыма, и если кто-либо закуривал у него в кабинете, он точен подходил к окну и открывал форточку. Каково же было положение ярых куряльщиков во время многочисленных заседаний? Товарищи нашли выход из положения. Посредине кабинета Ленина была такая большая печь, что за ней спокойно могли стоять и курить в трубку и воти, в моменты голосования, не видя стояв-

ших за печкой куряльщиков, Ильич спрашивал: — А как голосуют записных дел мастера?

Во время заседания Владимир Ильич часенко вставала с места и прожужжался на пыточках, заложив по своему обыкновению папьясы за проймы жилета.

Иногда заседания ЦК партии проходили очень весело, так как Ильич неустанно остро и завершенно смеялся. Но часто этот веселый смех являлся результатом страшного нервного переутомления, и мы вместе с Ильичем, украинцы, рассматривали из него. Особенно часто это стаю повторяться к весне 1920 года.

Хочется еще сказать о необыкновенной скромности Владимира Ильича.

На одном из съездов партии, запояная анкету, Владимир Ильич на вопрос о знании языков ответил: «английский, немецкий, французский плохо; итальянский очень плохо». Это, конечно, совершенно не соответствовало действительности, так как первыми тремя языками он владел совершенно свободно. На II конгрессе Коминтерна Владимир Ильич выступала с очень резкой критикой деятельности германской компартии. Эту часть речи он произнес на немецком языке. Другая часть его речи была посвящена критике позиции итальянской компартии. Ильич сразу же с немецкого языка переключился на французский. Это было так неожиданно и привлекло на присутствующих такое внимание, что по яву как будто пришла вода унавашины. Я не настаиваю на том, что последовательность была именно такая, но суть от этого не меняется.

Сохранился в памяти и такой эпизод.

Весной 1920 года в Москву приехали два представителя социалистической партии Франции. Компартия Франции тогда еще не существовала, и представители приехали с целью вынести вопрос о позиции социалистической партии Франции по отношению к Коммунистическому Интернационалу.

В кабинете у Ленина должно было состояться совещание с приезжими. Ильич, считая меня за «изгнучку», просил, чтобы я села поближе и подсказывала ему нужные слова, если во время беседы он вдруг забудет какое-нибудь французское выражение. Он добавил при этом:

— Не стесняйтесь, Елена Дмитриевна, и скажите нужно мне слово грамотно, а не спешите его, как это делают другие, боясь меня сконфузить. Но помните: я слышу только мешают, так как я должен из-пряться, чтобы усматривать. А какая беда, если я какое слово и забуду? Ведь это же не родной мой язык и никакого конфуза в этом нет.

Ни минуты не думая о том, он занимает высший руководящий пост, Ильич относился ко всему просто, по-человечески. Он любил шутку, смех, непосредственность.

В конце 1919 года в начале 1920 года Владимир Ильич тогда прихворнул. Мне сказала об этом Надежда Константиновна. Вскоре после разговора с Надеждой Константиновной я втерла Ильича в каком-то заседании. Побоялся я, потому, и шутливо заметила, что, повидимому, он поправился и отдохнул, так как у него опять хитрые глаза. Ильич расхохотался:

— Как, как вы говорите? Хитрые глаза? А разве они у меня хитрые?..

И, обратившись к кому-то, он стал, смеясь, рассказывать, что вот, мол, Ставов говорит, что у него хитрые глаза. Видно было, что шутка доставала ему удовольствие.

В день 50-летия Владимира Ильича я послала ему фотографию с карикатурой В. Каррика на работы Михайловского. Я в то время бодалась и не могла поспеть к Ильичу. Мне хотелось сделать ему что-нибудь приятное, вот я и послала ему эту карикатуру. Она изображала большую покрытый сумою плат, за которым в сюртуке и с носовым платком в руке стоит Михайловский. Рядом с ним, с другой стороны — Юзакон, Микогин, а в другой — Клямынова — «кажется, Струв», т. е. молодая наша партия. Поэтому-то и решила послать карикатуру Ильичу, и написала ему, что во время юбилея Михайловского партия была в детском возрасте, а теперь!.. И всеми нашими достижениями мы обязаны Ленину, его таланту, его уму. Так как же не радоваться нам в день его юбилея и не жалеть его всею душою лучшего!

Об этой карикатуре и о моем письме Владимир Ильич говорил на своем юбилее.

Когда Ильич умер, я была заграничной. Узнала о его смерти из газет в Брюсселе. И раз и два это сообщение и никак не могла поверить, впечатанчилось в одном из моих разговоров. Ильича нет. В душе точно оборвалось.

А жизни не ждала! Надо было идти на работу. И тогда все сознание сосредоточилось на одном ничем внешне не проявляя своих переживаний! Ведь мне приходилось тогда находиться в кругу чужих, враждебных по убеждениям людей. Обратила на себя внимание — и хотела дать повод смеяться за собой и этим позабыть под удар то дело, которое мне доверил партия, Ленин.

В. И. Ленин беседует с крестьянами.
© картины худ. М. Соколова.

Кремлевские куранты

Мы печатаем отрывок из новой пьесы Николая Погодина «Кремлевские куранты». Действие пьесы разворачивается в суровые годы военного коммунизма.

Автор показывает грандиозность ленинских замыслов, несокрушимо веру большевиков в реальность мечты о построении социалистического общества.

Одним из центральных действующих лиц пьесы является Владимир Ильич Ленин. Пьеса начинается двумя картинами в деревне, а затем действие переносится в Москву.

Пьесу ставит Московский ордена Ленина Художественный Академический театр имени А. М. Горького.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Кремлевская набережная и бульвар. Ночь. Редкий слабый свет фонарей. На скамейке под деревом сидит Рыбаков. Сначала он насвистывает, потом начинает петь.

РЫБАКОВ (поет). «Не для меня придет весна,
Не для меня настанет лето...»

(Идет старуха-нищая.)

НИЩАЯ.— Кавалер, убогую больную старуху угостя выпросочкой.

РЫБАКОВ.— Пожалуйста.

НИЩАЯ.— Благодарю вас, молодой кавалер. (Ушла.)

РЫБАКОВ (старательно поет).

«Не для меня придет весна,
И соловей в садах зальется,
И сердце бедное забьется
Не для меня, не для меня...»

(Задумывается, встает.)

РЫБАКОВ.— Если без трубы найду Марс, то да. Если не найду, то нет.

(Долго смотрит на небо. Является Ленин. Осматривает Рыбакова. Уходит.)

ЛЕНИН.— Саша Рыбаков, что вы делаете?

РЫБАКОВ (очулся).— Владимир Ильич, как же вы идете один, без охраны?

ЛЕНИН.— А я от них убежал.

РЫБАКОВ.— Как вы от них убегаєте?

ЛЕНИН.— А этого я вам не скажу. Это секрет старого конспиратора. У меня, видите ли, было очень длинное заседание, и я теперь скривлю немного погулять. Мне повышение здесь, так сказать, правомерно. А вы? Почему вы один, в полночь, считаете звезды?

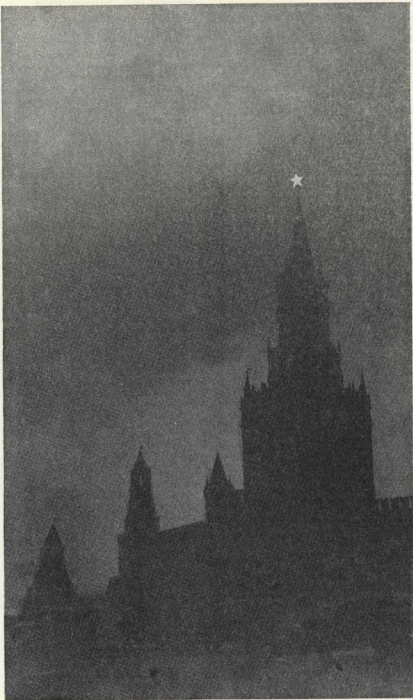
РЫБАКОВ.— Правда, думаю... не буду отнекиваться.

ЛЕНИН.— Влюбился, товарищ Рыбаков?

РЫБАКОВ.— Не буду отнекиваться... да.

ЛЕНИН.— Почему-то вместе гулять, товарищ Рыбаков. (Уходит.) Время у нас жестокое, страшное, теперь как будто бы не до любви. Но вы не бойтесь. Любите себе на здоровье, раз это случилось... А ведь хорошо любить? Чувство-то удивительное?

РЫБАКОВ.— Удивительное, Владимир Ильич.

...В полночь бьют кремлевские куранты. Вся страна, весь мир слышат их. Торжественная, мощная, зовущая к борьбе и победе мелодия «Интернационала» возмечает приближение нового дня.

(Ушли. Являются трое трамвайных рабочих с тележкой: Бородастый, Подручный и Старший.)

ПОДРУЧНЫЙ.— Видаль, Ленин пошел? БОРДАТАСКИЙ.— Без тебя вывали. Устал — и молчи. Осторожней надо быть.

СТАРШИЙ.— Засвети фонарь. Посмотри, какие у нас тут дела.

(Зажигают фонарь и отступают трамвайные рельсы.)

СТАРШИЙ.— Можно идти дальше. Тушин фонарь, а то свечи не хватит. Экономя, товарищ.

(Возвращаются Ленин и Рыбаков.)

ЛЕНИН.— Товарища, скажите нам, который час?

СТАРШИЙ (подручному).— Еще не поту-

шил? Посвети. (Взнула часы с цепочкой.) Четверть третьего. Прежде, бывало, кремлевские били, а теперь молчат...

ЛЕНИН.— Это очень плохо. На Кремле никогда не должны молчать часы. Саша, найдите вы мне часосопник. Тут нужен такой мастер, которому понятна старинная механика. Многие часосопники брались пустить куранты и часовани.

РЫБАКОВ.— Найдем, Владимир Ильич. Не может быть, чтобы не нашлось такого мастера.

БОРОДАТАСКИЙ.— Побудьте с рабочим классом, товарищ Ленин. Пошутите с нами.

ЛЕНИН.— Я от рабочего класса не ухожу. А вы до шутки?

БОРОДАТАСКИЙ.— А чего тужить? Капитализм мы разбили.

ЛЕНИН.— От разбитого капитализма сыт не будешь.

БОРОДАТЫЙ.—Теперь начнем социализм строить, товарищ!

ЛЕНИН.—А вы знаете, как его строить?

БОРОДАТЫЙ.—Свет не без добрых людей: кто-нибудь скажет.

ЛЕНИН.—Добрых людей много. Вы не везем верьте.

БОРОДАТЫЙ.—Мы с разбором. Кому вы доверяете, тому и?

ЛЕНИН.—Разрушить капитализм куда легче, нежели построить социализм.

БОРОДАТЫЙ.—Неужели, Владимир Ильич?

ЛЕНИН.—Мы первые начинаем. Перенять не у кого. К тому же мы нищие.

БОРОДАТЫЙ.—Что правда, то правда. Обедели.

ЛЕНИН.—Странно придется... ништо не поможет. Нищие люди и научат строить.

БОРОДАТЫЙ.—А чего советская власть не сумеет? Все сумеет. Виблейские жители хотели построить башню до небес в городе Вавилоне, и ни черта у них не получилось. Я думаю: почему? Пешут — смеются языком. А я вам говорю: потому что тогда не было человека. Без шута, Владимир Ильич: советская власть что захочет, то и сумеет.

ЛЕНИН.—А почему вы так верите в могущество советской власти?

БОРОДАТЫЙ.—Дайте я вам одну прычу обрисую. Вы не спешите?

ЛЕНИН.—Не спешу.

БОРОДАТЫЙ.—Вот перед нами стоят трое людей. Московские трамвайщики, ночные рабочие — пролетариат... Ни святае, ни грешнае. Народ, я, например, выпивоха... когда-то был, теперь много не выпьем. Этот, наш ползучий, на Доминикове вырос. Ну, а там, известно, одно художество, Старый... про нашего старшего ничего плохого сказать нельзя, хоть он и ругатель, матершик, драчун—бедя! При всякой другой власти эти люди станут по всей вени работать за несчастные деньги хлеба? (Вынул хлеб.) Вы при какой. А сейчас упадем, положим, подымаем и опять падем... Поэтому и верю я в могущество советской власти. Извините за длинный разговор. Как умею.

СТАРШИЙ.—Поговорили — и честь надо знать. Пора. Пошли дальше, а то некогда. Спокойной ночи, товарищ Ленин.

ЛЕНИН.—Спокойной ночи. (Рабочие ушли.) Теперь можно идти спать. Любите русско-го человека, товарищ Рыбаков?

РЫБАКОВ.—Люблю, конечно...

ЛЕНИН.—Поживите с мое, тогда полюбите. Если бы Толстой не придумал толстовства, то лучше его никто бы не представлял нам русского человека. А вот рабочих старик не понимал... Не хочется домой... Вы влюблены...

И я почему же не хомочу? Не знаете? Ну, так я вам по секрету скажу. Иногда я мечтаю... Разгуляю один и строю воздушные замки. Бываю до небес мы строить не будем, но с нашими людьми можно дерать, можно мечтать... (В сторону.) Кто-то идет... (Навстречу находит.)

НИЦАЯ.—Я иду.

ЛЕНИН.—А вы кто же?

НИЦАЯ.—Я нищая. Подайте, барин, на пропитание печальной старухе.

ЛЕНИН.—Сама, у вас что-нибудь найдется?

РЫБАКОВ.—У меня ничего нет.

ЛЕНИН.—У меня тоже ничего нет. (Старухе.) Извините.

НИЦАЯ.—А еще панку котикому несете... сами вы хуже нищих.

РЫБАКОВ.—Ну, бабка, иди-ка ты спать.

НИЦАЯ.—Я по ночам не сплю. Я ночью своей работой занимаюсь.

ЛЕНИН.—Вы это... работой называете?

НИЦАЯ.—Моя работа не хуже всякой другой. Теперь все — один черт! — ходят голые, как собаки. Ты вот человек, видю, умственного труда, а много ли ты сегодня кушал?

ЛЕНИН.—Как это — кушал?

НИЦАЯ.—Еа...

РЫБАКОВ.—Пойдемте дальше, Владимир Ильич.

ЛЕНИН. (Рабочему). — Пойдите. (Старухе.) А до революции чем вы были?

НИЦАЯ.—Тот же нищая была.

ЛЕНИН.—Чего же вы сердитесь? Вы ведь нищая, бедняжка, потерли.

НИЦАЯ.—Нет, дорогой мой, наш нищий класс больше всех потерял.

ЛЕНИН.—Почему же наш класс потерял?

НИЦАЯ.—До революции и жиды — нуи король. В то время я юридической подл. У меня в банке три с половиной тысячи лежал.

ЛЕНИН.—А откуда же вы их взяли?

НИЦАЯ.—У меня свои постоянные клиенты были. Я ведь никак кушав первой гильдии не опускался. А теперь какой у меня профит? Кто теперь нам подает? Ленин всю Россию в трубу пустил, и сам, говорят, от нищих недалеко ушел. Сам не живет и другим не дает. Мальце дальное, а я по своим делам покая. (Ушла.)

ЛЕНИН.—Что скажете, молодой человек?

РЫБАКОВ.—Нахальная старуха — и больше ничего.

ЛЕНИН.—Это ведь ужасно! Далеко побирухи живут хуже чем до войны. В деревнях люди сидят по ночам при лунне. Вы видите?

РЫБАКОВ.—Не заметил.

ЛЕНИН.—А я видел. Лучна... Это ведь было до изобретения керосиновой лампы, товарищ Рыбаков. С Урала мне прислали письмо, что там, в Златоусте, на оружейном заводе, ставия двигают ручным способом. Вдумайтесь, Сама, что это означает. Странноватые вещи...? Вот я давно размышлю об электрификации России. Это ведь чудесная сила — электричество, электрификация... и где! У нас в России. Как вы подгадаете, воздмем такой план?

РЫБАКОВ.—Товарищ Ленин, вы за тысячу востов видите. А что же... и никогда не мог бы из такой вещи додуматься!

ЛЕНИН.—Вы пока никому не говорите... а то меня назовут сумасшедшим. Все-таки я мечтаю. Нет, Сама, надо мечтать. Большиеки должны уметь мечтать.

Маргарита АЛИГЕР

Хотта-танец басков

Был теплый дом и добрый мир,
Был свежий хлеб и колкий сыр.
Был плох посев и труден труд
и скудный камень крут и крут,
но в раздвину в родных долинах
наслади люди — стел и мах —
и выли вольно плахе в лад
под звуки скрипок и волынок.
Детила бабочки в махляном,
временное ружье отпа
висело косо над камнем.
Проснувшись как-то поутру;
стояло солнце за деревни.
Увидели, что нет врагов.
...Процлались с женами мужья,
смыи процлались с матерями...
А вы не знали о враге.
Трещали стуча в очаге,
обед нехитрый — балалада —
горох и постная вода... —
на легком пламени кипела,
на фританка на оловной не
скакала... Не знали о враге,
И девушка о милон пела.
И пригнали, что было слез,
и мчи бросали в небо, когда
им солнце заслонил злоевиный
контур самолета.
И все.
Остлася дым и крик,
камень и людей немного.
Вела ушельем напрямик

крутая узкая дорога.
Туман ложился, ветер дул,
колод шинокив, нахло мятой,
гнисул осел, и падал мул,
шла овды, пакала ребята...
Тот старый город среди гор.
Пороку много, ветра мало...
И море — пенный простор —
на камеш шло и отступало.
Был нарисован пароход
пером на голубой аэлях.
Чужие женщины сирот,
беззубую плача, обнимали.
Не надо плавать!
... Мы поем
испанский гимн, и вы не плачете.
Не надо плавать!
... Мы пляшем,
и ласточки сидят на мечте.
Как много простело лес!
Там лето, кажется, поварне.
Тут небо, кажется, бледней,
но флаг неизмеримо ярче.
Все реже в темных их глазах
печаль.

Ребята делат с нами
и наше небо в облаках,
и наши праздники, и знамя.
И в трудный северный мороз
их отбросил в наши задоры
и в наши праздники, и знамя.
Они забыли привкус слез
и вспомнили родные пляски,

родную музыку.
И вот
Большой театр залет огни.
Испанских девочек полет
под звуки хотты перед нами.
Так как некогда, в родных долинах,
играл и шел простой народ
под звуки скрипок и волынок.
Лети же, музыка, лети!
Ночное небо в острых грозах.
Я вижу горные пути,
и слышу дологй скрип повозок.
Я вижу боженев глаза,
и слышу, как мужат Капрон...
Не то!

Не то!
Я вижу зал,
и слышу, как стучат ладони.
Как будто кто-то вдруг открыл
у стучих клетки настже лесным.
Не гром ладоней — шестел крик
в аллоидемтах слышит сердце.
Встанут пилоты и бойны,
вперед прогнывают ружья,
и детям кажется: — отмы! —
как будто не было разлуки.
И гром ладоней — грохот рек!
И детской нежность уменьена
в глубокой ложке челом
в полуосвоенном светлом френче.

ДВА КАПИТАНА

(ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА)

Роман «Два капитана» посвящен жизни поларного летчика-комсомольца. Но профессиональная сторона не царит в этой книге существенной роли. Это прежде всего история советского человека, выросшего вместе с нашей страной. Однако мою книгу нельзя назвать хроникой или биографией. «Два капитана» — сюжетный роман. Отдавая priority сюжету, связанным с таинственной историей поларной экспедиции капитана Татарникова, погибшей в 1915 году, Разгадку тайны принесит наше время.

В своем романе я пытаюсь показать рост незаурядного человека начиная с детских лет и кончая годами расцвета.

В габарите души каждой писательки мечтает: «Советское юношество будет учиться на моем романе». Как бы мне хотелось, чтобы эта надежда оправдалась!

Автор

РАЗГОВОР С КАТЕЙ

В Москве у меня было много дел. Я собирался прочитать в Географическом обществе доклад «Об одной забытой поларной экспедиции», повествовать в Глазгомернуртуе вопрос о поисках «Са. Миринг». Хотел вначале остановиться у Коробкина, но потом передумал и заехал в гостиницу, ту самую, в которой останавливался два года назад проездом из Балашихова.

Я позвонил Кате, и она пошла к телефону.

— Слушаю.

— Это говорит Саяя.

Она замолчала. Потом спросила самым обыкновенным тоном:

— Саяя?

— Он самый.

— Она опять замолчала.

— Надолго в Москву?

— Нет, на несколько дней, — ответил я, тоже стараясь говорить обыкновенным голосом, как будто мне не казалось, что я вижу ее сейчас в том сером трюке с незваными ушами, в том пальто, мокром от снега, в котором она была на Триумфальной в последний раз.

— В отпуск?

— И в отпуск и по делам.

Нужно было сделать усилие, чтобы не спросить ее: «А правда, что ты выходишь замуж за Ромашова?» И я сделал это усилие и не спросил.

— А как Саяя? — вдруг спросила она о сестре. — Мы с ней перешивались, а потом престали.

Мы заговорили о Саяе, и Катя сказала, что надвиг в Москву приезжал один ленинградский театр, шла «Мать» Горького и в программе было указано: художник П. Сквородников.

— Да ну?

— И очень хорошие декорации. Смелые и вместе с тем прелесть.

Мне показалось, что она нарочно несколько раз не назвала меня по имени, а один раз назвала, понизив голос, как будто не хотела, чтобы дома слышали, с кем она говорит. Ни разу она не сказала мне «ты», и мы говорили о чем-то обыкновенными голосами, пока мне не стало страшно, что все так и кончится, что мы поговорим и разойдемся и я меня не будет даже повода, чтобы позвонить ей снова.

— Катя, нам нужно встретиться. Когда ты можешь?

— И сказала: «Когда ты можешь?» И сразу стало ясно, что это было бы глупо, если бы я стал говорить ей «ты».

Мы сидим на скамейке, и Катя внимательно слушает меня...

— У меня как раз сегодня свободный вечер. — Часов в девять?

— Я ждал, что она позовет меня к себе, но она не позвала, и мы условились встретиться. Но где?

— Может быть, в сквере на Триумфальной? — Этого сквера теперь нет, — холодно возразила Катя.

И мы условились встретиться у колони Большого театра.

— Вот и все, о чем мы говорили по телефону, и ничего было перебирать каждое слово, как я делал это весь первый длинный день в Москве.

Я поехал в Управление Гражданского Воздушного Флота, потом к Вале в Зооинсти-

тут. Должно быть, у меня был рассеянный вид, потому что Вале несколько раз повторил мне, что завтра 25-летний юбилей педагогической деятельности Коробкина и что будет торжественное заседание в школе.

Наконец, в девятом часу вечера я отправился в Большой театр.

Это была прекрасная Катя с косами вокруг головы, с этими замками на лбу, которые я всегда вспоминал, когда думал о ней. Она поблела и выросла, и, конечно, она была теперь не та девочка, которая когда-то поцеловала меня в сквере на Триумфальной? У нее стал сдержанный взгляд, сдержанный голос. Но все же это была Катя, и мне совсем не стала так уж покаяна на Марью Васильевну, как я этого почему-то боялся. Быть может,

если бы я с первого слова сказала ей: «Кати, да что ты! Опомнись! Ты выходишь за Ромашину» — мы сразу заговорили бы о самом главном. Но я не сделала этого.

С таким чувством, как будто мы в разных комнатах и разговариваем через стену, и только иногда приоткрывалась дверь и Катя выглядывает, чтобы посмотреть, я и Катя сидели в комнате по Москве. Это был вечальный день. Я говорила и говорила; не замечая, когда она я говорил так много. Но все это было совсем не то, что и хотел сказать. Я рассказывал о том, как была составлена «сказка» штурмана, как был найден старый датунный багор с надписью «Шхуна с. Мария».

Но ни слова не было сказано о том, зачем я делал все это! Ни слова. Как будто эта история давно умерла и не была виновлена обидами, любовью, смертью Марии Васильевны, ревностью в Ромашке, всей кровью, которая билась во мне и в Кате.

Это был год, когда Москва начинала строить метро и в самых знакомых местах поперек улиц стояли заборы и нужно было идти вдоль этих заборов по гниющим доскам и возвращаться, потому что кто-то кончался ямой, которой вечно еще было.

Таким был и наш разговор — обходы, возвращение и заборы в самых знакомых местах, знакомых с детства и школьных лет. Все время мы находились на эти заборы — особенно, когда приближались к тому опасному месту, которое называлось «Николай Антонович».

Я спросил, получила ли Катя мои письма: одно из Ленинграда, другое из Балашова, и когда она сказала, что нет, намекнула, не попали ли эти письма в чужие руки.

— У нас в доме нет никаких чужих рук, — резко сказала Катя.

Мы вернулись на площадку Свердловца. Был уже поздний вечер, но в ларьках еще продавали цветы, и по дороге я увидел, как вылезало стرابан, что так много всего людей, автомобилей, домов и лампочек, качавшихся в разные стороны друг от друга.

Мы сидели на скамейке, и Катя внимательно слушала меня, подперев рукой голову, а я вспоминал, как она всегда любила когда-то устраниваться, чтобы удобнее было слушать. Теперь я понял, что перемешался в ней, — глаза: глаза стали грустнее.

Это была единственная хорошая минута. Потом я спросил, помнит ли она наш последний разговор в сквере на Труфановской, и она ничего не сказала. Это был самый страшный ответ для меня. Это был прекрасный ответ: «Не будем больше говорить об этом».

Быть может, если бы мне удалось как следует посмотреть ей в глаза, — я бы многое понял. Но она все смотрела в сторону, а я чувствовал, что с каждой минутой она становится все холоднее. Она кивнула головой, когда я сказал:

— Я буду держать тебя в курсе.

И я желал, чтобы я держала меня, когда я приглашал ее на доклад.

— Спасибо, я непременно приду.

— Буду очень рад.

Мы помолчали.

— Я хотела тебе сказать, Саша, что очень тронута твоим отношением... Я была уверена, что ты давно уже забыл об этой истории.

— Нет, как видишь.

— Ты ничего не будешь иметь против, если я передам наш разговор Николаю Антоновичу?

— Напротив! Николаю Антоновичу интересно будет узнать о моих находках. Ведь они касаются его очень, близко — гораздо ближе, чем он может себе вообразить.

Он вовсе не касался его так уже близко, и у меня не было никаких оснований для анкета, который я вложил в эти слова. Но я был очень зол.

Катя внимательно посмотрела на меня и немного подумала. Кажется, она еще о чем-то хотела спросить меня, но не решилась. Мы простояли. Я ушел расстроенный, улы, усталый, и в гостинице у меня первый раз в жизни заболела голова.

Кораблев сидел в учительской, постаревший, немного согнувшийся, с седой уже головой. Он стал теперь похож на Марку Твен! Кораблев, он постарел, но только внешне! Он стал крепче с тех пор, как мы выехали в последний раз.

— Иван Павлыч, дорогой, поздравляю вас, — сказала я, и мы обнялись и долго целовали друг друга. Поздравляю вас, — говорил я, — поздравляю вас, — и желало, чтобы все ваши ученики были так же благодарны вам, как я.

— Спасибо, Сашечка. И он был очень доволен, и у него немного дрожали губы.

Через нас он сидел на скамье, в том самом зале, где мы когда-то судили Евгения Онегина. Здесь дожидался гости, которые приходили по правую и левую руку от юбилея. Мы — это Бала, надевший для торжественного дня прозеленный галстук, инженер-строитель Тана Величко, который стал высокой полной женщиной, так что даже трудно было поверить, что это та самая толстая, привыкшаяся Тая, и еще несомненно более моего ученика Иван Антонович.

Это был превосходный вечер, и он был так хорош, потому что все, что выступало, говорило чистую правду. Никто не врал — без сомнений, но зато что Кораблевым не нужно было говорить правду: ведь он никогда и не требовал ничего другого от своих учеников.

Цветов на сцене становилось все больше, и Иван Павлыч сидел очень красный и время от времени ритмично подпрыгивал. Кораблев, он стеснялся, что чувствует себя таким счастливым. Когда его хвалили, у него становилось страдание глаза.

После актера, который называл Иван Павлыч, началось чтение в акустике, выступил лейтенант. Он сказал, что поскольку товарищ Фабер говорит от имени артистов, он попросит себе провозвести прерывистые от имени артистов и командиров Работы Красной Армии, так же вышедших из стен этой школы.

— Дорогой Иван Павлыч, — сказал я, когда председатель дал мне слово, — теперь позволю себе сказать от имени летчиков, что было много наших учеников летает над нашей великой страной и все они, конечно, присоединяются к каждому моему слову. Говорит, что писатель — инженеру человеческих душ. Но мы тоже инженер человеческих душ. Например, проснувшись рано утром, я обнаружил, что мой сосед не отравился, и сморчался, что так важно, потому что даже не взглянул и увидел, что на потолке нарисован чернык корабль, величиной с полтинник. Это произошло много раз. Как вы думаете, кто отвечает на это дело? Конечно, он сам мог бы ответить на этот вопрос, потому что в данную минуту он является своим соседом за стеной стола. — Бала, смущенно засмеялся, а за ним продолжил и весь зал. — Но так быть — скучно за него, — он развил силу взгляда. Кей же взгляд так поразил его? Замечательный взгляд Ивана Павлыча Кораблева. Дорогой Иван Павлыч! Теперь я могу вам откровенно признаться: мы не выдержали вашего взгляда. Было бы интересно, что-нибудь и только себе-самому соврать, а встретились все вместе, и вы сказали, что вы и невольно говорите правду. По-моему, это и есть самое главное, чему должна учить нас школа.

После меня выступал Тана Величко, но уже не слушал ее, потому что пришел Николай Антонович.

Он вошел в зал — толстый, солидный, синеватого цвета, в каких-то широких брюках, и незаметно наклонив вперед, стал пробираться в президиум.

Я же видел его после той безоблачной сцены, когда он кричал на меня и ломал пальцы, и видел его с тех пор от инвентарного предмета. Видно было, что он удерживал в жизни! За ним шел какой-то человек, тоже довольно толстый и тоже немного наклонив вперед и не улыбаясь.

Я бы никогда не догадался, что это за человек, если бы Бала не шепнул в эту минуту: «А вот и Ромашка».

Как? Это Ромашка? Такой прекрасный, солидный, в таком превосходном сером костюме? Куда делась желтая кончики косы? Куда делась неестественно круглые глаза — глаза совы, которые не закрывались на ночь?

Все было прилагательно, пришло по возможности смывано и даже тяжелый квадратный подбородок стал теперь не очень квадратный, а скорее полный и тоже вполне приличный. Пожалуй, на своего человека, он мог теперь признаться, да и принятие впечатлительно.

Николай Антонович прошел в президиум. Ромашка за ним, и все, что делал Николай Антонович, делал за ним Ромашка. Николай Антонович сдержанно, но в общем сердечно поздравил и прежде все поздравлял с заведующим Горлоу. И встал.

Меня Николай Антонович не заметил, то есть сказал, что меня здесь нет. Но Ромашка, дойдя до меня, остановился и слегка развел руками, как будто удивляясь: я же это! И как будто и никогда не был его носком по имени — Заратустра, Ромашка, — сказал я равнодушно.

Он перекосился, но сейчас же сделал вид, что мы, как старые друзья, так и должны называть друг друга «Бала», Ромашка. Он довольно презрительно остановил его и отвернулся, как будто слушая Тана.

Но Тана я не слушал. Все во мне кипело и бурляло, и только улыбка и сдержанное проявление спокойное выражение.

Торжественная часть кончилась, и гости пригласили к столу. Ромашка дотолкал меня в коридор.

— Правда, прекрасно прошел юбилей Ивана Павлыча, — сказал он, — но теперь у него даже голос стал мягче, крутнее.

— Да, очень хорошо.

— В самом деле, жаль, что мы так редко встречаемся. Вот бы так-таки старые товарищи. Ты где служишь?

— В гражданской авиации.

— Это я вижу, — сказал он и засмеялся. — Нет, это в другом смысле, в территориальном.

— На Дальнем Востоке.

— Да! Чорт! Совсем забыл! Ведь Катя же мне говорила, что ты ушел в море? Катя! Катя ему говорила. Мне стало жарко, но я отвел совершенно спокойно:

— Да, в Зинполье.

Он замолчал. Потом спросил осторожно:

— Надолго, к нам?

— Еще не знаю, успеваю ли тоже осторожно. — Это зависит от многих обстоятельств.

Мне самому понравилось, что я так спокойно, осторожно ответил — и с этой минутой все мое волнение как рукой сняло. Я стал холоден, любезен и легок, как мех.

— Катя говорила, что ты собираешься выступить с докладом. Кажется, в Доне ученики? — Нет, в Географическом обществе.

— Это же так до доклад?

— А что прикажете — сказал я равнодушно. — Это тебе будет интересно.

Он снова перекосился, на этот раз чуть за метно.

— Да, — сказал он, — нужно испавать и не пропустить. — И он стал что-то акуратно заниматься в блоноете. — Как он называется?

— Зыбчатая полтария экспедиция.

— Постой! Как! Это об экспедиции Ивана Лаврова?

— Об экспедиции капитана Татарникова, — возразил я сухо.

Но он пропустил мимо ушей мою поправку.

— По своим материалам?

Знакомый мой радует мелочью у него в глазах, и я сразу догадался, в чем дело.

«Ага, полдень, — получай я хладнокровно, — тебе подослал Николай Антонович. Тебе поручено узнать, не соборился ли я снова доказывать, что в гибель экспедиции виноват именно ты».

— Да, по новым.

Ромашка внимательно посмотрел на меня.

На секунду он перекосился в привычное Ро-

манку, подсчитывающего, сколько процентов прибыли получится, если я проговорюсь, что это за материал?

— Кстати, об эскадрильи,— сказала она.— Ведь у Николая Антоныча тоже есть материалы. У него много шпона и есть очень интересные. Он мне как-то показывал. Ты бы к нему обратилась!

— Да нет,— ответила я равнодушно.— Он ведь в сущности мало знает. Как ни странно, но я знаю больше о его собственном участии в эскадрильи, чем он сам.

Это был хорошо рассчитанный удар, и Ромашка, который все-таки был глухим, и сильно развился, вдруг открыл рот и посмотрел на меня с открытым затравленным.

«Кати, Кати,— подумала я и в полужаго, что у меня сердце склеивается от обиды за нее, за себя.— Ката выходит ажура за этого человека!»

— Да-а,— потянул Ромашка.— Такие дела.

— Да, такие дела.

Мы пошли к столу, и разговор прекратился. С трудом я дослал до конца вечер, только ради Ивана Павлыча, чтобы его не обидеть. У меня было неважное настроение, и очень хотелось выпить, но я выпил одну рюмку за юбилей...

МНОГО НОВОГО

Когда я вошел, Иван Павлыч сидел на коротких и расталкивал пепучи, и это была такая привычная картина, что мне даже показалось, что не было этих пяти лет, и что я попрежнему школьник, и что сейчас будет страшный урок, как в девятом классе, когда и уехал в Энекс за Катей. Но он обернулся: «Как постарел!»— подумала я, и все мне встало на свое место.

— Наконец-то,— сказал Корябел довольно сердито.— Что же ты ко мне не ахал?

— Спасибо, Иван Павлыч.

— Ты же знаешь, что ко мне заведешь?

— Я бы все-таки вас встретил.

Он посмотрел на меня, даже открыл один глаз, чтобы оценить во всех деталях. Это был хозяйский взгляд. Должно быть, я все-таки понравился ему, потому что он с удовольствием расщелкал уши и велел мне садиться.

— Я тебя вчера как следует не рассмотрел,— сказал он,— некогда было.

Он накрыл на стол, достал из стенового шкафа бутылочку, нарезал хлеба, потом вытаскивал из-за окна холодную солонину и тоже вырезал. Попробуем он жить один, но в старой квартире стало уютнее и, кажется, не так сыро. Мне только не понравилось, что пока я рассказывал, он выпил эту бутылочку и почти не закусывал — это меня огорчило.

Я сказал, что сейчас расскажу ему только самое главное, но разве вспомнил, что самое главное, когда через пять лет встретился с родным человеком? Иван Павлыч спросил меня о Севере, о летней работе, и все оставался бездельником, и что отвечаю так кратко.

— Иван Павлыч, дорогой, что мне рассказывать об этом? Вы помните доктора, который лечил меня, когда я удрал из школы. Вы еще ко мне приходили в больницу.

— Помню.

— Он тоже живет в Заполярье. Я его разыскал, и это единственный дом, в котором я бывал. Между прочим, замечено, Иван Павлыч, что я всю жизнь приспосабливаюсь к чужим семействам. Когда маленький был,— к Сиволюдикиным, помните, я вам рассказывал. Потом — к Татариновым. А теперь — к доктору.

— Пера, брат, уже и свое заведи,— серьезно сказал Корябел.

— Нет, Иван Павлыч.

— Почему так?

— У меня не идет это дело.

Корябел помолчал. Он валил себе, ми чокнулся, выпили, и он снова валил. Потом расщелкал Френч — приготовился к длинному разговору:

— Послушай, Саня, помини, что ты сказал мне, когда уезжал из Москвы? Ты сказал:

— Как я говорил с ней? Ох, как я говорил с ней! Как я ничего не помнил!

«Теперь мне остается хоть умереть, но доказать, что я прав». Ну как? Доказал?

«Это был исключительный вопрос, и я ответил не сразу. Конечно, и помнил наш разговор. Я помнил, как Корябел кричал: «Что ты сделал, Саня! Боже мой, что ты сделал!» И как он плакал и говорил, что я во всем виноват, потому что и настали, что в письме капитана речь шла о Николае Антоныче, а на самом деле речь шла о каком-то фон Выхширском.

На месте Корябела я не стал бы исполнять об этом разговор. Но ему, как видно, очень хотелось, чтобы и он мне вспомнил. Он серьезно смотрел на меня и, кажется, был очень-то валин доволен.

— Я не знаю, кому это нужно, чтобы и что-то доказывал,— возразил я мрачно.— Не вижу, что это кому-нибудь нужно.

— Вот тут-то ты и ошибаешься, Саня,— сказал Корябел.— Это очень нужно и для тебя, и для меня, и еще для одного человека.

Тем более что ты оказался прав. Я смотрел на него во все глаза. Прошло пять лет после нашего разговора. Я знал теперь об эскадрильи капитана Татаринова больше всех на свете. Я разыскал диспансера штурмана и прочитал их — и это была самая трудная работа в моей жизни. Мне повезло: я встретился со старым немцем, посланным человеком, который своими глазами видел карту, принадлежавшую эскадрильи, и на этих нотах — мертвца, быть может, самого капитана. И я не нашел ни одного доказательства своей правоты.

И вот теперь, когда я вернулся в Москву и явился к своему старому учителю, который — так мне казалось — давно забыл об этой истории, — теперь мне говорить: «Ты оказался прав!» — Иван Павлыч — начал и не очень твердым голосом.— Вы все-таки не должны утверждать такие вещи, уезжая у нас нет...

Я хотел сказать: «Сопровержимых доказательств», но он основанию меня. Как будто позволил. Корябел слабомерно закурил губу, оглянулся и взял меня за плечо.

— Вот что, Саня. Мне нужно поговорить с одним человеком,— сказал он.— А ты тут помини.

И он привел меня в соседнюю комнату, напоминавшую большую, заставленную книгами шкаф с дыркой зеленой портяной вместо двери.

— И послушай, тебе это полезно.

Проводив меня в шкаф, он постыдно убрал со стола вазу, потом вынул что-то из письменного стола, сел и немного подышал, широко открыл рот. Потом пошел открывать двери.

Он вернулся из передней с Нинкой Капитоновной. Она что-то говорила, но я не слушал, глядя, как Иван Павлыч заботливо усаживает гостя. Он стал было наливать ей чаю, но она остановила:

— Не хочу. Только что напилась. Ну, как?

— Да что-то неважно, Нина Капитоновна,— сказала Корябел.— Спину помини.

— Ну! Застрелим! Придумай тоже! Спи ну помини. А нужно бомбанге натереть. И проидет.

— Как, как вы сказали? Бомбангнет?

— Бомбангнет. Мазь такая. А я выложу шпете?

— Честное слово, не шая, Нина Капитоновна,— сказал Корябел.— Совершенно бросил. Изредка одну рюмку перед обедом. Но это даже и врачев советуют.

— Нет, нет. Вот я, когда была молода, на утирах жала. У меня ведь отец казак был. Бывало, придет, на ногах не держится и говорит: «Что ничего, а самая смерть — это

ежедневно пить по одной рюмке перед обедом.

Кораблев засмеялся. Нина Капитонова посмотрела — и тоже начала смеяться.

Кораблев постарался перевести разговор на другую тему. Он спросил, как поживает Катя.

Нина Капитонова тихонько махнула рукой.
— Соррился все мы с ней, — сказала она со вздохом. — Она очень самолюбивая. Одного дела не добьется — и за другое. От этого она такая и нервная.

— Нервная?
— Нервная. И гордая. — Я все молчит, — сказала Нина Капитонова. — Я ведь на этих-то, что молчат, смотрелась. Мне это ужасно не нравится, что она все молчит. Ну что молчать, и не понимаю. Скажи, тебе тяжело?

— А она — нет.
— А вы бы у нее спросили, Нина Капитонова.

— Не скажет. Я сама такая. Никогда не скажу.

— Я как-то встретил ее, и мне показалось — ничего, — сказал Кораблев. — Она в театр шла — одна, правда, и это мне показалось странным. Но она была довольно веселая и, между прочим, сказала, что ей предлагают две комманды при гидроэлектрической станции.

— Предлагали. А она не переехала.

— Почему?
— Жалел ее.

— Жалел? — снова спросил Кораблев.

— Жалел. И в память матери жалел и так. А он без нее — вот как: приходит — сейчас: «А Катя где? Звонила?»

Я не сразу понял, что «он» — это Николай Антонов.

— Вот и не уехала. И все ждет чего-то.

Нина Капитонова пересела на другое кресло, поближе к Кораблеву.

— Я один раз письмо читала, — пошопот дувако сказала она и оглянулась, как будто Катя могла ее видеть. — Должно быть, они в Энксе подружились, когда Катя на каникулах ездила. Его сестра. И она пишет: «В каждом письме озадачет просящим: где Катя, что с ней, я бы все отдал, лишь бы увидеть ее. Он же может без тебя жить, и я не понимаю вашей беспричинной ссоры».

— Простите, Нина Капитонова, я не понял. Чья сестра?

— Чья. Да этого? Вашего!

Кораблев несколько посмотрел в мою сторону, и в черес-чурку в профиль встретился с его глазами. Мои сестры? Сани?

— Ну что же, наверно, так и есть, — сказал Кораблев, — наверно, и не может быть. Очень просто.

— «Озадачет просящим», — с выражением повторила Нина Капитонова. — И не может без тебя жить? Вот как! И она без него не может.

Кораблев снова посмотрел в мою сторону. Мне показалось, что он улыбається под усами.

— Ну вот. А сама за другого собралась.

— Из гордости. Она очень гордая, — сказала Нина Капитонова и изображала, как Катя гордится. — Ясоби по-своему выбору. Но не ее это выбор. Не хочет она за этого Ромашова. И я его не хочу. Попович.

— Как Попович?
— Писович сг. И брехливый. Что ему ни скажи, он сейчас же добанит. Я таких ненавижу.

Нина Капитонова еще рассказывала что-то, но и больше не слушал ее. Я так забылся, что стал рассказывать в своем «шкату» и пришел в себя, лишь когда услышал строгое покаянное Кораблева.

Так я в «шкату» и сидел, пока Нина Капитонова не ушла. Не знаю, зачем она приходила, должно быть, просто отвести душу.

Я задумался и не слышал, как Кораблев вернулся из переделки, и вдруг увидел над собой, между половниками портьеры, его нос и ус.

— Жин?
— Жин? Иван Павлыч.

— Что скажете?

— Скажу, что я страшный, безаладежный дурак, — отвечал я, скланчившись за голову. — Как и говорил с ней! Ох, как я говорил с ней! Как я ничего не понял! Как я ничего не сказал ей, а ведь она ждала! Что же она чув-

ствовала, Иван Павлыч! Что она теперь думает обо мне!

— Ничего, переделывает.

— Нет, Николай! Вы знаете, что я сказал ей: «Я буду думать тебя в курсе».

Кораблев засмеялся.

— Иван Павлыч!

— Ты же писал, что без нее жить не можешь.

— Не писал! — возразил я с отчаянием. — Это Санда выдумала. Но это правда! Иван Павлыч! Это абсолютная правда. Я не могу жить без нее, и я нас действительно беспричинно ссорю, потому что я думаю, что она меня давно разлюбовала. Но что же делать теперь? Что делать?

Кораблев озабоченно посмотрел на часы.

— Вот что: у меня назначено на девять часов деловое свидание, — сказал он. — В одном театре. Так что ты...

— Ладно, я сейчас уйду. А можно мне зайти к Катя?

— Она тебе выгонит и будет совершенно права.

— Пускай выгонит, Иван Павлыч, — сказал я и вдруг изложил ему. — Чорт его знает, и не понимаю, что теперь делать? Как вы думаете, а?

— Теперь мне нужно переодеться, — сказал Кораблев и пошел в «шкату», а что касается тебя, то тебе, по-моему, нужно прийти в себя.

Я выдал, как он свал френч и, позавон ворот майкой рубашки, стал поправлять галстук.

— Иван Павлыч! — вдруг заорал я. — Простой! Я совсем забыл! Вы скажите, что я был прав тогда, когда мы спорили, о ком идет речь в письме капитана!

— Да.

— Иван Павлыч!

Кораблев вышел из «шкату» — причешавый, а новым сером костюме, еще молодой, представительный.

— Сейчас мы поедем с тобой в театр, — сказал он серьезно, — ты все узнаешь. У тебя будет такая задача — сидеть и молчать. И слушать. Понимаете?

— Ничего не понимаю. Едем...

Ярослав СМЕЛЯКОВ

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Я помню вас однажды на эстраде,
когда, раскрыв громаподобный рот,
вы шли к потопам, оставаясь слезы
и ластящийся и тапкаяющий сброд.

Толпа орет и стонет, в равной мере
от радости и злости трепещая,
не покоряясь, веруя, не веря,
рукоприкладству, рукооплеца!

Вы вылезли и вы же прекратите
немолкающий тысячегорный рев
ладоной той, которой укротитель
пугает шавок и смарает ялов.

Толпа молчит, одной ладоною ската,
в одно синява тысячу сердец,
покуда воду нег ее гланшата,
ее мучитель и ее невец.

Не в тот ли раз, грубя и балагура,
наперекор заклятой старине
вы словно ископанная буря
безжалостно шагали по стране.

Не в тот ли день, не с этих ли подмосток
Вы и вошли в грядущие века
как близкий к близким, зарпосто и просто,
надув ветрами парус ладжак.

14 апреля 1940 года исполнилось 10 лет со дня смерти Владимира Маяковского — лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи. Творчество Маяковского близко и дорого всем народам нашей социалистической родины и трудящимся капиталистических стран. Бессмертные строки его стихов зовут к неустанной борьбе за дело коммунизма.
На снимке: В. Манюковой среди молодежи на выставке «Двадцать лет работы» (1930 год).

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Нет,
не те «молодежь»,
кто, забившись
в лужайку да в лодку,
начинает
под визг и галдеж
прополаскивать
водкой
глотку.

Нет,
не те «молодежь»,
кто весной
ночами хорошими,
раскрывавшись
модой одеж,
подметают
бульвары
клешнями.

Нет,
не те «молодежь»,
кто восхода
жизни зарево,
услыхав в крови
зудеж,
на романы
разбазаривает.

Разве
это молодость?
Нет!

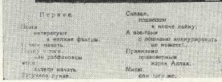
Мало
быть
восемнадцати лет.
Молодые —
это те,
кто бойцовым
рядам поределым
скажет
именем
всех детей:
«Мы
земную жизнь переделаем!»
Молодежь —
это имя —
дар
тем,
кто влит в боевой КИМ,
тем,
кто бьется,
чтоб дни труда
были радостны
и легки!

МАЯКОВСКИЙ В «СМЕНЕ»

Научет
каждая мелочушка.

(поэма, опубликованная
в «Смене»
Владимиром Маяковским)

Страница журнала «Смена» № 6 за 1924 год со стихами Маяковского.

Никто другой из наших поэтов не печатал много и охотно не печатался в газетах и журналах, как Маяковский. Он просил печатать его стихи «легким дождем брошюры», опасаясь, как бы между ним и читателем не возгала неприятная какая-нибудь сверхороская супербюрократия дорогого тома его стихов.

Владимир Владимирович значился также среди авторов журнала «Смена», для которого он в 1924—1925 годах написал три стихотворения и текст для рекламного плаката.

«Смена» — журнал молодежный, и естественно стремление Маяковского поговорить с молодыми читателями «Смены» за живучие, злободневные темы.

Какая же идея пронизывает стихотворения Маяковского, впервые опубликованные со страниц «Смены»? Эта идея выражена в самом названии одного из стихотворений — «Визнаказание будущее» (журнал «Смена» № 11 за 1925 год).

Поэт обращается к молодым читателям «Смены» с призывом: «будущее

будущее
напряде само,
если не примем мер.
За завтра его, комсомолец!
За завтра его, пионер!
Коммуна
не опознает прищипки,
чтоб о ней
Рассчитывал мочаль по ночам.
Обучай,
наешься
в киди
коть по мелочам».

Маяковский учит молодежь видеть мелочи — «я дома за столик»

ком, в отношениях, в семье, в быту, — замедляющие движение и к коммунизму. К подобным мелочам поэт относит прежде всего натиск обязательности — «тютю бумажных роз». Поэт предупреждает молодых людей о том, что мольба поведет не только шубы, а потому следует призыв: «Нанних листы заказывай одежку перетряпки, комсомольца».

В стихе «А улет каждая мелочушка» (журнал «Смена» № 6

за 1924 год) Маяковский также говорит об мелочушках. Он озабочивается над рабифонами, которые не избавились от пошлых привычек. Маяковский приводит в ярость и то, что рабифоны как-то решили его качать в знак своей любви к поэту, и то, что рабифоны устроили у себя на стое анкетный комиссат на всевозможных дешовых карточках, фотографий, гравюрах, бумажных роз и феточничков.

Крайне интересно, что даже в четверостишии, предзнаменующем для расследования плаката «Смена», Маяковский находит нужным обратиться взгляд читателей журнала в будущее:

«Еще шагнуть далеко, —
надо встать на ковшу стелу.
Будь готов
вспомнить старинной,
читай журнал
«Смену»».

Стихотворение «Красная записка» (журнал «Смена» № 9 — 10 за 1925 год) написано в связи со сбором средств среди трудящихся в пользу ОДВФ (Общество друзей воздушного флота).

Это были годы, когда горячие сердца нашей страны только расправляли свои крылья в советском подвиге и пролетарий черпал в небе только «перые кровяные круги».

Маяковский отчетливо видит красоту своей мечты бушующей и свергающей будущее и учит своим молодым читателям видеть эту связь.

«Наша
жизнь —
в грядущее вращаясь,
обнажать
его пороги» —
напоминает Маяковский,

Пусть сейчас собираются на ОДВФ поэты другтривые —
Маяковский твердо верит, что люди с сознательного помысла на работу будут едаться, «самолет выведя под уздцы», «если они будут пользоваться всеми благами жизни, технического прогресса».

Сталинское поколение молодежи пользуется всеми жизненными благами социалистического сегодня, с благодарностью и любовью вспоминает лучшего протаракского поэта, который не только мечтал о коммунизме, но каждым своим стихом боролся за его быструю приход.

ИЗУЧАЙТЕ МАЯКОВСКОГО!

Часто спрашивают: как провести вечер творчества Маяковского?

Вот несколько практических советов. Прежде всего надо установить тему вечера. Тем много, например, в статье Маяковского, «Маяковский о поэзии», «Лирима Маяковского», «Маяковский — молодежь», «Маяковский-газетчик» и т. д.

Как бы ни была определена тема вводной лекции, надо широко использовать произведения поэта, его статьи, публичные выступления. В лекции вечера «Маяковский — молодежь» можно, например, привести интересные выдержки из статьи Маяковского «Каждое бы, дело», «Выступление на общесоветском собрании читателей «Комсомольской правды», «Выступление в Доме комсомола 25 марта 1930 г.», «Выступление на диспуте «Злободневное настроение среди молодежи» в феврале 1927 г. (XII том полного собрания сочинения)». Для подготовки к вечеру полезно прочесть и книгу С. Трегуба «Маяковский-газетчик» (Золотиздат, 1939 г.), в которой приведен значительный материал о Маяковском — воспитателе молодежи. Стихотворения Маяковского о молодежи сосредоточены главным образом в VIII и IX томах полного собрания сочинения поэта.

На вечер, посвященный творческому пути Маяковского, который является «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской молодежи» (Сталин), важно показать многообразное применение литературного оружия, которым умело пользовался он в борьбе за строение лучшего социализма. Нужно познакомить молодежь с крупнейшими поэмами Маяковского, с лирическими и сатирическими произведениями поэта, его работой над «Окнами Ростка», с его драматургией.

Налю красочно рассказать о жизненном пути В. Маяковского.

Вот статьи, в которых сосредоточены материалы о детстве и юности поэта: Л. Маяковский «Детство и юность Владимира Маяковского» (журнал «Молодая гвардия» № 9 за 1936 год и № 2 за 1937 год) и сборник «Маяковский в Группе», Издательство «Дарт Восток» (Толкин); Г. Бегунов «Чувственные годы Владимира Маяковского» (сборник «Маяковский в Группе»); В. Гердт «Творческий Комиссат — о работе Маяковского в РСДРП(б)» (журнал «Красная новь» № 8 — 9 за 1939 год).

Вторая часть вечера (художественное отделение) должна быть очень разнообраз-

на. Можно поставить отрывки из пьес Маяковского, например из второго действия пьесы «Анна», прочесть отрывки из очерка «Мое открытие Америки» (VII том полного собрания сочинения), исполнить стихи поэта.

Установился традиция: исполняются обычно на всех вечерах и концертах отрывки и те же произведения поэта: «Стихи о советском паспорте», «Париканка» и еще два — три стихотворения. Структура вечера надо позаботиться о том, чтобы выбор произведений для чтения с экраном был сделан умело.

К вечеру можно приурочить проведение (начало или заключительную часть) конкурса на лучшее исполнение стихов Маяковского. Надо лишь заранее определить состав жюри. Желательно, чтобы среди жюри товарищи, хорошо знающие творчество Маяковского и разбирающиеся в вопросах художественного чтения.

Еще одно пожелание. Вечера, посвященные Маяковскому, надо устраивать не только лишь в связи с памятной датой: их следует проводить в течение всего года. Для того чтобы пропаландировать творчество Маяковского, вести его стихи в массы, не нужен специальный повод!

Советы о том, как проводить вечера, посвященные Маяковскому, можно получить в Библио-клубе имени В. Маяковского (Москва, переулок Маяковского, дом 15.13).

ФОРМУЛА РЕКОРДА

Но над стадионом далеко, легкое, светлое, и горные ветры гонят облака в разных направлениях: вершине слои медленно плывут к западу, нижние, похожие на разрывные ключья ваты, свешив к северу.

Над резной балюстрадой трибуны видны в отдалении темные поросшие лесом холмы. Широкие кольцом окружают они город и стадион, повторяя овальное очертание трибун.

Стадион пуст. Поле, вынесенное за пределы стадиона футбольного поля, заросшее шпалми бугор, отдыхает в мягком свете осеннего солнца. Тени облаков ложатся на порослею траву.

Влавы у футбольных ворот, прямо на земле сидят двое в тренировочных костюмах. Они сидят в одинаковой позе, охватив руками колени согнутых ног, и беседуют.

Потом один из них встает. Теперь видно, что это девушка. Она высокого роста, с широким, свободным, характерным для атлета разворотом плеч.

Она делает несколько упражнений: сгибает и разгибает корпус, приседает. Движения мягки и гибки — ни малейшего напряжения, никакого усиления, уловистости.

Это своеобразная гимнастика легкоатлетов, подготовка мышц и выносливости к неровным сложным координационным движениям при метании и прыжках.

Девушка заканчивает упражнения «шагатамик»: в широком шаге она расслапывается на траве, одна нога вытаскивает вперед, другая — назад, наклоненное тело прильнуло к земле. Поле обнаруживает акробатическую гибкость.

Гимнастика окончена. Девушка берет в правую руку диск. Она отводит руку назад и делает рукой и плечом плавное круговое движение и выпускает диск. Он не летит, реформ разрезая воздух, и падает невдалеке на траву. Не спеша, почти лениво, идет за ним девушка, и тучные облака бегут по небу, лавая по ее фигуре. Она поднимает диск и снова бросает его. Теперь движение метательницы энергичнее, диск летит дальше.

Перед третьим броском девушка регистрирует движение метания без диска. Но теперь она усложняет его. После замаха она, переступив ногами, делает стремительный поворот вокруг собственной оси. Отведенная назад и в сторону правая рука опирается при этом быстрый и широкий круг.

Теперь ясно, что первые два броска, выполненные без поворота, были лишь наметкой, эскисом настоящего броска. Только стремительный поворот, придавая руке с диском центробежную силу, позволяет метать далеко.

Так, по частям, по элементам, собирает девушка сложное и трудное движение метания диска, быть может, самое трудное из упражнений легкой атлетики.

Затем она снова берет диск. Теперь в второй человек поднимается с земли и подходит к метательнице. Он следит за каждым ее движением, оценивая, контролируя, — так смотрят уметь только тренеры. Замах, поворот, размах — и снова выкатывается вперед и летит диск, но из этой раз гораздо дальше. И все же в броске нет напряжения, нет усилия. Чувствуется, что это только приписка. Напряжения и силы движения вкладывает в бросок тренер, когда она попытается улучшить мировой рекорд.

Это будет борьба с собой: мировой рекорд уже сейчас принадлежит ей, метательнице Нине Думбадзе, тренирующейся на близком стадионе.

Спортивная биография Думбадзе во многом своеобразна.

Обычно то, что добиваются рекордных результатов в каком-нибудь виде спорта, с радостью нет увлекаются именно этим видом, инстинктивно делая верный выбор. Нина не лю-

била метание диска. Из всех упражнений легкой атлетики ей больше всего нравился прыжок в высоту с разбега.

Метать диск она стала потому, что вывих ноги в колени помешал ей прыгать.

Ее последний бросок перед вывихом был равен 29 метрам 43 сантиметрам. На первенстве УССР она заняла четвертое место после Сидни Корисовой и Самборской.

Но до этих бросков ей было далеко: они метали над 40 метров. Между тем Думбадзе была выше ростом, сильнее, быстрее. На фотографии Синицкая рядом с ней кажется худощавым подростком. Дело было в технике. Техника давала Синицкой, Борисовой, Самборской перевес.

Фото Н. Волкова

Нина Думбадзе.

Значение техники, особенно большое в таком трудном и тонком упражнении, как метание диска, сразу стало ясным для Думбадзе.

И зимой 1936—1937 года, когда окончательно выяснилось, что из-за большого колена нельзя будет ни прыгать, ни бегать, Нина приняла решение изучение теории метания.

С необычайной для 17-летней девушки усидчивостью и терпением разгадала она сложное движение дискобола на составные части.

Это движение должно быть ритмичным, непрерывным, ритмичным. Малейшая погрешность, ошибка в ритме, задержка — и сила броска пропадет.

В молниеносном развороте метатель должна опущать и контролировать действия каждой мышцы. Тонко развитое мышечное чувство — едва ли не главное качество метателя.

Не рискуя из-за большой ноги метать, не рискуя даже сделать резкое движение, Нина постепенно и последовательно овладевала элементами броска, училась направлять работу мышц.

Она изучала и сопоставляла два основных стиля метания — размахистый, физический и стремительный, американский — и искала нужное ей, подходящее к ее данным сочетание этих стилей, искала свой, индивидуальный стиль.

Так с первых же шагов своего спортивного пути работа она освоилась, подстраиваясь каждого одаренного спортсмена — опасаясь вешело полагаться на свои выдающиеся природные данные и пренебрегать работой.

Теория и анализ дали у Думбадзе явным с практикой, почва верной практики — в этом вторая своеобразная черта ее спортивной биографии.

Первый бросок ее весной 1937 года был 37 метров 37 сантиметров, подстраиваясь к 8 метров больше чем результат на первенстве УССР осенью 1936 года. Эти 8 метров, выигранные за зиму без единого броска, одним изучением теории метания — одна из самых замечательных побед на пути Нины к мировому рекорду.

За сезон 1937 года Нина выиграла вторые 8 метров. Приобретенная за зиму техника позволяла уже полностью использовать исключительные природные данные. В сентябре она побила всеосезонный рекорд Борисовой, метнула диск на 42 метра 13 сантиметров, через 9 дней улучшила свой рекорд до 44 метров 51 сантиметра, а 7 ноября в Ермаковке выиграла еще метр — 45 метров 78 сантиметров.

Это был уже международный результат. Борисова, Синицкая, Самборская — все лидера наших лучших метательниц — оказались позади.

Так неожиданно быстро пришла спортивная слава. Еще весной безветренная атлетка стала осенью одной из лучших метательниц мира.

Пресса следовала за выступлениями Думбадзе. В порядке дня становилась борьба за мировой рекорд.

За год до этого, осенью 1936 года, немечка легкоатлетка Гизела Мауэрберг метнула диск на 48 метров 31 сантиметр.

Этот результат оставался пока неподражимым. Сама Мауэрберг не смогла повторить его в 1937 году. Думбадзе решила побить рекорд Мауэрберг в следующем же сезоне. Она, конечно, отдавала себе отчет в трудности задания. Она знала, что для 2-х дополнительных метра, отдаленные ее от мирового рекорда, стоить большего чем 16 метров, выигранных за 1937 год. Она подошла к тем пределам, где каждый сантиметр — событие. Но она знала и путь, который должен был привести к победе. В ее тренировочном дневнике под чертой, подготавливая сезон 1937 года, записано:

«Вывод: из ошибок осталось уходить влево от диаметра при повороте и изредка низкое положение правого плеча при гите. Темп и ритм хороши, но в запасе есть еще скорость».

Устранить недостатки и научиться использовать весь запас скорости — такова была задача. На этом была построена зима тренировок.

24 мая 1938 года Нина бросила диск на 40 метров 42 сантиметра — недурный бросок для начала сезона. Но через несколько результат отстал от того, даже несомненно хуже. Мало того, 23 июня в пяти городах Думбадзе проиграла Синицкой. Движение вперед остановилось, она шла вспять. Нечего было и думать о мировом рекорде.

В спортивной метании, в строках отчетов, сквозило разочарование.

До сих пор Нина работала одна, без тренеров. Она изучала теорию метания по книгам и журналам, проверяла теоретические выводы на собственном опыте, присматривалась к лучшим метателям. Но живого повседневного руководства со стороны тренера она не знала.

Весной на учебном сборе в Сузуме Нине назначили тренера общества «Шиншихо», указав Нине на недостатки техники, предложив работать с ней.

Тогда она отказалась. Теперь она решила принять предложение и приехала в Москву.

(Окончание на стр. 18)

Легкая

Взгляните на фотографии. Вот взмах в воздух прыгуна с шестом, рекордсмена Европы и СССР Николай Озолин. Он берет высоту в 4 метра 20 сантиметров — в два с половиной раза больше собственного роста. Грудь Озолина со головы и руки ниже планки. Кажется, что планка неминуемо будет сбита. Но в нужную долю секунды ноги, опускаясь за планкой вниз, позволяют прыгуну поднять туловище и взять препятствие.

Семь бегунов приближаются к финишу (снизу по середине). Сколько сосредоточенного усилия в стремительности их движений, какой могучий шаг у победителя, рекордсмена СССР Головкина!

Вот Нана Думбадзе, рекордсменка мира и СССР в метании диска. Стоя в кругу для метания, она начала захват. Все мышцы расслаблены, а в них нет ни малейшего напряжения. Пройдет доля секунды — и расслабленность сменится стремительным усилием согласованно работающих мышц. Молниеносный поворот тела вокруг собственной оси, такой же быстрый, широкий круг, описанный рукой с диском, последний рывок этой руки, поворот кисти — и диск полетит далеко в поле, туда, где

красный флажок отмечает рекорд СССР (так в этом номере «Смена» описан М. Ромы «Формула рекорда»).

Объектив фотоаппарата застал метателя Сергеева в положении замаха (снизу справа сверху). Рука с диском отведена назад, отклонено назад тело, согнута в колене правая нога. Еще секунда, доля секунды — и метатель выпрямится, как тетива лука. Согнутая нога резким толчком бросит вперед тело, и могучий взмах руки пошлет концы в воздух. Сверкая на солнце накомочником, торопясь к финишу, оно ошметит далекую параболу и вознется в землю в 60 метрах от метателя.

Вот переходит через барьер рекордсмен СССР в барьерном беге Степанюк (снизу справа снизу). В легком, свободном полете преодолевает он препятствие высотой в 1,06 метра. Десять таких барьеров должен он взять на протяжении 110 метров дистанции! И эти десять барьеров почти не замедлит его бег: он пройдет дистанцию в 15 секунд.

Древние греки несли легкую атлетику не только как прекрасное средство физического воспитания, но и как важный элемент военной подготовки. В соревнованиях на олимпиадах были включены бег и прыжки в полном вооружении.

Легкая атлетика тесно связана в нашем представлении с олимпиадами древней Греции, с этими всемирными спортивными праздниками Эллады, где атлеты, собиравшиеся со всех концов государства, соревновались в беге, прыжках и метаниях, где венчали лаврами победителей, слава в их честь гмны и песни, называли их именами четырехлетия, следующее за годом олимпиады.

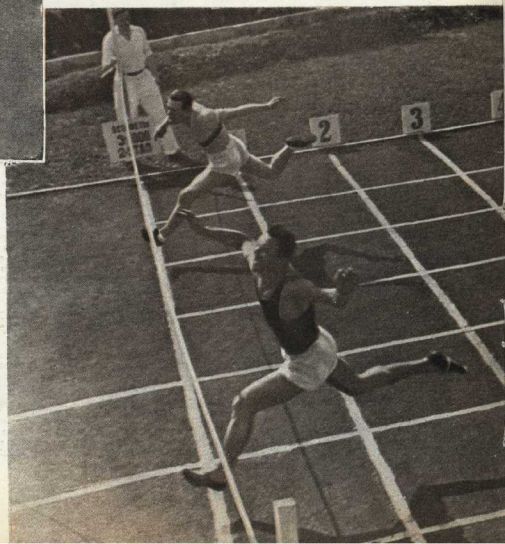
История физической культуры указывает нам, что легкая атлетика культивировалась еще гораздо раньше: у древних египтян, в Вавилоне и Персии.

Можно смело утверждать, что первым легкоатлетом был далекий наш предок, первобытный человек, кочевник, охотник.

Легкая атлетика состоит из естественных для каждого человека движений. Она дает простор нашим физическим качествам, возможностям, способностям: быстроте, выносливости, силе, ловкости.

Быть может, в этой естественности легкой атлетики кроется источник ее красоты, радости, солнечности?

Что может быть красивее движений хорошего бегуна, прыгуна, метателя?

Атлетика

Свое основоприкладное значение легкая атлетика полностью сохранила и для нашего времени. Умение ходить, бегать, прыгать, метать крайне важно в современном бою.

Взгляните на мастера Озолина, метящего гранату. Сообразайте его положение с положением метателя копья. Тот же замач, однаковая поза, однаковая механика движений. Вот красноармеец с вытравкой в руке преодолевает препятствие. Чем отличается его уверенный, красивый, напминающий помет прыжок от прыжка Степачонка?

Легкая атлетика дает нужные военнопприкладные навыки, развивает выносливость, силу, быстроту — эти незаменимые качества бойца.

Вот почему в новом комплексе ГТО, в этом фундаменте советской физической культуры, легкой атлетике отведено почетное место.

Результаты, достигнутые легкоатлетом, измеряются сантиметрами и долями секунды. Борьба за рекорды и доли секунды.

100 метров в 10,2 секунды — мировой рекорд.

100 метров в 11,3 секунды — последний результат.

Эта борьба за сантиметры и доли секунды требует продуманной, систематической, упорной тренировки.

Без всестороннего физического развития и высокой техники даже самый одаренный легкоатлет останется далеко позади рекорсменов.

Путь к рекордам труден. Но эта трудность составляет одно из самых замечательных качеств легкой атлетики — школы борьбы, целеустремленности, воли.

Советская легкая атлетика за последние годы сильно шагнула вперед. Наши легкоатлеты вступают на ступени мировых рекордов. Чем больше талантливых молодежи выйдет на солнечный простор стадионов, тем скорее этот ступенька увенчается успехом.

ФОРМУЛА РЕКОРДА

(Окончание)

Наркент считал, что Нина мало вывела от физического стиля, слишком много — от американского.

Американцы начинают поворот при метании, довольно сильно согнув ноги в коленях. Постепенно выпрямляясь в стрелителном повороте, они вводят диск равномерно по восходящей спирали. Финский же стиль требует, чтобы рука с диском перед броском делала возобновляемое движение.

Финский стиль, по мнению Наркента, лучше подходит к высокому росту и длинным рукам Думбадзе.

Началась трудная переделка вконец изменившихся навыков. Старое терлось раньше, чем приобреталось новое. И не было уверенности в успехе, что было нужно и полезно. Размытость физического стиля не помогала, а мешала вылиять в действие неиспользованный, скрытый запас скорости, который Думбадзе в себе ощущала. Рука размазывалась с диском, стрелителный поворот заставлял терять равновесие, точный мышечный контроль был потерян.

Результаты не улучшались за июль и август, первенство СССР в начале сентября казалось страшным испытанием. Нина боялась потерять звание чемпиона СССР. Действительно, преодолела самые худшие опасения. Углубленная чрезмерно быстрая подготовка, Нина все три раза выскочила за пределы круга и получила ноль.

После истощения она ушла со стадиона в примыкающей к нему парке и пролежала ничком в траве до вечера.

Только поздно ночью, когда все уже спало, вернулась Нина в общежитие.

Много передала она за эти часы. Спортивная слава обернулась в ней другой своей стороной: впервые повела она ответственность, налагуламоу слабой. Ее неудачи были неудачами советской легкой атлетики. Она была лучшей металательницей страны. У нее была именная шанс побить мировой рекорд, заставить его переключать к нам. Она не оправдала возлагавшихся на нее надежды.

Было ли все дело только в несерию выбранном стиле? Так ли она работала, как надо работать, чтобы побить мировой рекорд?

Не вскружили ли ей голову легкое у техи прошлого сезона?

Неудачи и поражения нужны чемпиону так же, как и победы. Они заставляют осознать желанный закон спортивных успехов — необходимость непрерывной, сосредоточенной, упорной работы над собой.

В эту ночь Нина стала на много старше и зрелее.

Прежде всего надо было успокоиться, найти себя. Нина решила вернуться на родину, в Одессу, вернуться в те условия, в ту обстановку, в которой добилась она первых своих успехов.

На третий день она с треноматом развернула «Красный спорт»: ее шадки, неудача никак не комментировались.

Но сама она решила себя не палить. Жирным явным отменяла она в тренировочном дневнике свое поражение.

Внеуслышанно в Одессу, она тотчас же пришла за треноматом. Она работала осторожно и аккуратно, проверяя каждое свое движение. Как в нем Наркент был прав, но в основном он ошибся. Он исходил из внимания на высокий рост и длинную руку и не оценил необычайной быстроты реакции Думбадзе. Самой лучшей тренер может ошибиться, тренируя мастера. Тренировать мастера — легкое, — надо находить игру virtuoso — скрывать или вынашивать.

Нина вернулась к старому, найденному ею стилю. Уже через 16 дней после приезда, но первенстве она показала результаты в 43 метра 90 сантиметров. Такие же броски она сделала

в октябре на первенстве УССР и на слете мастеров в Тбилиси.

18 октября она должна была выступить в Баку. Как пройдет этот день? Сумеет ли она реабилитироваться после неудач сезона, что так важно, вернуть себе доверие к собственным силам? Она приехала в Баку за три дня до соревнования. Из гостины она выхолтила только два треномата. Уверенно и сосредоточенно собирала она все силы, внимание, волю, сколько было уверенности.

На на кого не глядя, вошла она в круг для метания. Диск снова лежал в руке легко, привычно и дружелюбно. И снова ощущала она ясно и четко каждое свое движение.

Первый, прикидочный бросок дал результат за 45 метров. Вторым она послала диск на 47 метров 33 сантиметра. Это был не только новый всеобщий рекорд, но и полтора метра больше прошлогоднего, это был лучший мировой результат сезона. Мауэрмейер и в 1938 году не сумела повторить свой рекорд.

Так один бросок Думбадзе поставила себя на первое место среди лучших металательниц мира. Теперь не было сомнений, что именно у нее больше всего шансов побить феноменальный рекорд Мауэрмейер.

Через пять дней Нина выступила в Тбилиси. Здесь отсталась она жить и работать.

И здесь нашелся тренер, который подошел к Думбадзе так, как нужно было подойти к этой своеобразной атлетке, самостоятельно прошедшей свой большой спортивный путь. Борис Дзюбович ничего не менял и не навязывал. Он погмчал работе Думбадзе над собой, ставил перед ней новые проблемы, углублял ее понимание техники.

Опираясь на его тренерский опыт и верный глаз, она пошла вперед спокойно и уверенно. Больше не приходилось работать «ощупью», в одиночку. Первый бросок вышел за 46 метров 83 сантиметра, второй — 44 метра 64 сантиметра. Это был хороший старт для атаки на мировой рекорд.

Спортивная форма Думбадзе в сезоне 1939 года была изменена. 26 августа она снова сделала мировой рекорд, метнув на 46 метров 83 сантиметра. После этого она приехала в Москву, чтобы попытаться побить рекорд Мауэрмейер.

20 августа выехала она на стадион «Динамо», откуда не пришла, соблюдая самый строгий спортивный режим.

Тренировка, сосредоточение сил, чернов, воли.

Нужен был «колдунийский» ветер метателя, который выступил бы совместно с атлетом, пытающимся побить мировой рекорд. Без этого по международным правилам бросок не засчитывается.

Стадион соперника Думбадзе мастер Синичка согласился на эту роль.

18 сентября Нина Думбадзе удалось то, к чему тактично стремилась лучшие металательницы мира: в течение трех лет диск, брошенный ее рукой, пролетел за белый флаг, которым отмечается на зеленом поле мировой рекорд.

В 49 метрах 11 сантиметрах от старта, на 80 сантиметрах дальше белого флага, появилась красный флагжок нового рекорда СССР, ставшего на этот раз и новым мировым рекордом.

Искусство метания Нина принялась мыслить в своих формах как законные движения. 485 тренировок, записанных в дневнике начина с осени 1936 года и до того дня, когда она побил мировой рекорд, научили ее точно оценивать свои силы.

Она знала, что может метнуть диск дальше 49 метров 11 сантиметров. Вот почему 28 октября 1939 года, через 40 дней после победы над Мауэрмейер, мы застали ее метать диск на тбилисском стадионе. На другой день, 29 октября, она улучшила свой мировой рекорд, бросив диск на 49 метров 54 сантиметра.

Снова 18 августа. Нина Думбадзе попутел для многих для тех, кто считает, что в спорте побеждают мышцы, а разум и воля играют второстепенную роль; для тех, кто надеется стать чемпионом, не работая над собой, только потому, что природа дала им больше чем другим.

Мартин Андерсен-Нексе

Датского писателя Мартина Андерсена-Нексе называют «скандинавским Горьким». Родившись в семье пролетария-каменника, Нексе прошел тяжелую жизненную школу. Он был батраком, сапожником, портовым, заводным учителем.

В литературе его имя стало известно с выходом в свет сборника рассказов «Тени», где Нексе с большим художественным мастерством повествует о сумрачной жизни предместьев датской столицы — Копенгагена. В большом романе «Пеллезаповелевал» писатель выступил как возмущенный гуманист, противопоставив уродливой капиталистической действительности идеального, возмужавшего человека из низов. Любимый герой писателя — бунтарь, страстно ненавидящий социальную несправедливость, гневно встающий против законного обывательского блага, бунтарь, для которого жизнь — это борьба.

Нексе далека от пассивного созерцания. Он страдает и борется вместе со своими героями. Небольшое большинство его произведений автобиографично.

Нексе одним из первых представителей прогрессивной западноевропейской интеллигенции приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. С тех пор он испытанный и неизменный друг Советского Союза.

Реакционные силы Дании во главе с социал-предателями всячески стараются вырвать перо из рук писателя. Его книги сжигают на кострах, против него и его друзей издаются предостерегающие капиталистического мира вуду отвратительные адвизоры. Но писатель-борец не слагает оружия. В острейших язвительных статьях-памфлетах он беспощадно разоблачает гнусную роль поджигателей войны, зло высмеивает прохвостов от политики, социал-демократических лидеров.

И он не одинок: с ним все честные, все передовые люди современности.

Рассказ «Расправа», опубликованный на русском языке впервые, принадлежит к раннему периоду творчества Нексе. Правильно называя датскую деревню, Нексе с большой силой показывает в этом рассказе «ядитым» деревенской жизни».

РАСПРАВА

Рассказ Мартина Андерсена-Нексе

Однажды, в дождливый летний день — это было примерно десять лет назад — во восточке Ютландии, — мы ехали в поезде на мызу, где собралась провести летние каникулы.

Первым человеком, встретившим нас по приезде, была Размина, крупная неоприятная женщина. Она работала на сельскохозяйственных участках и рылась, как земля, на которой она стояла.

Покрывая коросты, несладкая, она напоминала фигуру, которую дети делают из сырой, липкой глинки, и только ребеныш мог бы вырвется такой причудой — заставить этого человека быть всем довольным.

Но в то же время она смеялась, несмотря на струящиеся дожди, грозившие размывать ее грязь, нахвостившаяся на ее теле за долгое время. Ее лицо напоминало кусок мерзлой земли, но время неожиданно наступившей оттепели. И этот кусок земли смеялся.

Ее усталое развитие вполне соответствовало развитию нашей трехлетней девчушки; и к ребенку относился первая улыбка Размины. Они тотчас же пожурились, и позже их по-прежнему видели вместе, как и раньше, у Размины выдалась досуг. Они часами ходили рука об руку, деловито обсуждая простейшие жизненные отправления, причем исходным пунктом всего было питание и малотрудная работа.

— Туа не сделала сегодня курочку, — лепетала девочка.
— Ты не напустила в штанишки, Тулечка? — нежно спрашивала Размина.
И это была все их беседа.

У нас, взрослых и образованных людей, были некоторые опасения. Но вмешаться в их дружбу было нелегко. Мы знали, что в окрестности в шведских лужайках клялись шестеро детей, которых она сумела родить, но не могла воспитать. У нее было шестеро детей, но ее единственная радость заключалась в том, что она время от времени могла передать нашу девчушку.

Собственных детей ей не удавалось видеть: идти к ним было далеко, а Размина была занята. Когда после работы батрачи и батрачки тесно общались с песнями гуляли по полям, Размина приходила делать то, то другое. В свободные часы она прыла и завала для своих малышей. По меркам чужой, которые ей прислали, она могла судить о том, как растут дети.

Енс Петер из Визенланды был на тридцать лет старше Размины. Когда-то она даме вдалась с его сыном. Но парень скрылся за море, когда Размина родила ему четырех детей и все его заработки уходили на их содержание. Енс Петер стыдился сыновнего поступка и, чтобы загладить его, обвинул Размину своей невестой перед богом и людьми. Он был хитер, умен, когда надо, и огулявший и в привычной обстановке держал себя с исключительной уверенностью. Каждую, кто смеялась над ним, он мог ударить, он имел дату отпор. Но, как только он сталкивался с чем-нибудь неизвестным, он весь сжимался, уходил в себя, становился как бы воплощением недоверчивости.

Он испытывал комический страх перед всякой пишанью; ничто не могло бы его заставить дотронуться до моего рукописей.

— Власть — это от дьявола. Она дана для того, чтобы губить нас, маленьких людшек, — говорил он.

Как все бедняки, он предпочел бы погубить, нежели обратиться за помощью к властям.

Несмотря на свои 56 лет он был еще крепким мужчиной и ни от кого не отставал в ра-

боте. Летними вечерами, когда все на мызе заходило и сидел за своей работой, он уходил в поле и бросался со своей милой, словно ему было только двадцать лет.

Они часто говорили о домашней жизни и обсуждали это со мной.

— Тогда мы сможем постепенно в зависимости от обстоятельств, взять детей домой. Это будет здорово, — говорил Енс Петер.

И все же у него находились оговорки.

— У Размины, видит бог, хорошее тело, — замечал он, чтобы показать, что его опасения не были плодотворного характера, — но она ишь рассудительна.

Он имел в виду возвращение детей.
— Но работать она их определенно обучит, чорт меня побери! С этой стороны нас никто не упреклет.

В результате всех этих размышлений они начали наладить, устраиваться. Енс Петер посмотрел на луговые жинки, и они поженились, т. е. поселились вместе. Дети переехали в дом, и Размина и Петер обучали их всему, что знали сами, т. е. трудиться не покладая рук.

Казалось, малыши были рождены для этого, во всяком случае, они хорошо усваивали эти уроки. Едва научившись полоть, они поехали родиться на работу на сельскохозяйственных и картофельных полях окрестных крестьян.

— Я почти настоящей работателем, — говорил Енс Петер, гордо оглаживая ватушку.

Прежде Размина батрачила в исключительно добродорозном христианском семье. Она стирала, доила, стирала, мыла, вычищала детей; и никогда крестьянину или крестьянке не приходило в голову придраться к ней или рассчитать ее за безразличность.

Она была сильная, большая и непритязательная. С ней было выгодно иметь дело. Поэтому ее и нанимали больше чем других. Она трудилась в то время, как остальные отдыхали, и выполняла работы, которые были не под силу другим.

Но когда она и Енс Петер зажили вместе, чтобы создать себе и детям хоть какое-нибудь подобие семьи, это показалось чрезмерным. Что у нее были дети — это еще куда ни шло! Позже случалось, особенно среди низших слоев. Да и нужно же было маленьким людям отличаться чем-нибудь от остальных. Но кичиться своим достоянием, выдвигать его, так сказать, за добротность и благопристойность, — этого ей не, Енс Петеру не хотелось позволить. Размина вышла из грязи и долина была в ней оставшей, хотя бы потому, что кому-нибудь нужно же брать за то, что другому не по нраву. И лучше, если это будет то, на ком эта грязь не так заметна.

Как бы то ни было, но возмущение проарадовало. Трудно было установить, от кого возмущение шло, но оно распространилось быстрее чем чума. В один прекрасный день местные власти получили донос на непристойное сожительство, с ссылкой на интереса вешных детей.

Размина и Енс Петер не поняли во всем этом ни словечка. Ведь они действовали именно ради детей. Для них они вели и мыслили, они отдавали то немногое, что имели. Ни про сто не приходило в голову, что их поведение можно истолковать как-нибудь иначе. Но их заметили, что вокруг них шумухаче, что кому-нибудь удалось установить непристойность. Они ананомали затравленных лесных тварей, вышедших из чащи и тшкетно размыкающих обратный путь. В их добрых глазах светился подавляющий ужас.

Постепенно Енс Петер понял, что общество против него, и он уже не радовался своей крохотной, крмытой соломой лужайке.

— Чтоб ты сгорела, проклятая! Тогда уж никто не будет из-за тебя беспокоиться, — говорил Енс Петер.

Ему казалось, что деревенский старшина или еще какое-нибудь большое начальство польстился на его домишко, может быть, даже на Размину и хотел устранить его с дороги, чтобы наладить всем этим.

— Нам нужно было бы убраться отсюда, — говорил он Размине и малышам. — Но куда?

Отвечать, казалось, не имела определенного источника. Она грозилась отговору. Общество отрезало от них. Они выгладывали из себя лгуны, и, завидев вдалеке прохожего, нарпекло замирали, все показываясь до тех пор, пока враг не скрылся на виду. Но бежать они не могли, они просто не были способны на это. Подобно утке, которую истают, они умели лишь поднимать под себя ноги, закрываясь и воевать.

Местный полицейский подолгу задерживался в округе, чтобы собрать о них сведения. Он неоднократно подходил к домишку, но всегда находил его запертым. Через незапертое окно нетрудно было разглядеть, что в комнате стояла кровать. Однажды он неожиданно забитую Енса Петера на опушке леса.

А, Енс Петер, заметив, что тот уже поднимается, поинтересовался, что он делает. Он говорил ни о чем: правду нельзя было говорить ни в коем случае.

— Каждый из вас имеет свою кровать и свою комнату, как предписано законом?

— Конечно, — обрадовался Петер, primo-таки благодарный за то, что ему подкаивают наиболее трудные ответы.

Но в то же мгновение полицейский вдруг изменился и заговорил по-другому. Енс Петер уже ломанные показания, дурная представительная и уступчивый свой греховный образ жизни заправительством. Поэтому на следующий день ему наделают явиться в суд, и тогда...

Полицейский мог больше ничего не прибавить. Енс Петер знал все наперед, он видел камеру, угрюмого торешника, пытки во время допроса, ужасные кары, грозившие ему, если он спрячет хоть кручину укрываю.

Целое утро он бесцельно бродил вокруг дома и не знал, за что взыскать. Страх побуждал его двигаться. Он напоминал человека, которого захватили и стремительно затигивают на машину. Невидящим, расширенным от ужаса глазами он пристально глядел перед собой. Грозившая опасность представлялась ему такой огромной, что он не мог этого вынести. С наступлением темноты он валя вверка, пошел в сарай и пошел.

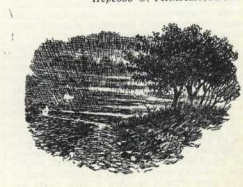
Но Размина уже не могла отказаться от домашнего очага и вновь идти в люди. Когда ее после этого увидели, она собралась на неприятно жалостно для себя и своих сирот. Люди ждали ее и кое-что подавали.

— Что поделаться с беднягой? — говорили они. — Все ромает детей и никак не найдет им отпа...

Таков ничем не прикрашенный отчет о судьбе двух человеческих существ в Дании в 1909 году.

А может быть, это было и в другом году.

Перевод О. ТИМАШКОВОЙ.

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ МУЗЫКИ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. И. ЧАЙКОВСКОГО)

Во всей истории музыкального искусства трудно найти еще композитора, который обладал бы таким даром раскрывать психологический мир человека, выявлять движения его души, как Петр Ильич Чайковский.

«Мне кажется,— писал он за два года до своей смерти,— что я действительно одарен свойством правдиво, искренно и просто выражать музыкальными чувствами настроения и образы, на которые наводит текст. В этом смысле я реалист и коренной русский человек».

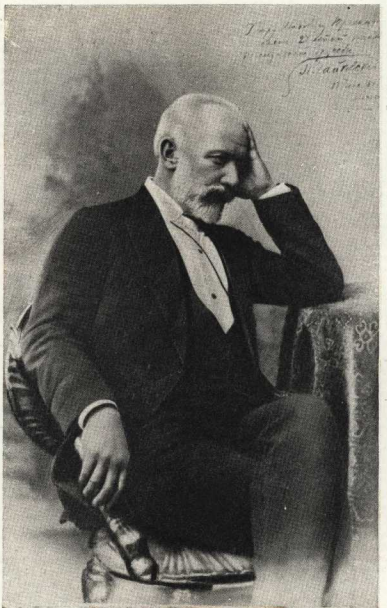
В этих, в высшей степени правдивых словах композитор, однако, с присущей ему скромностью, никакого суждения масштабы своего творчества. Не только в произведениях, имеющих текст (оперы и романсы лирика) или напевных картин-либо поэтических образах (увальса-фантазия «Ромео и Джульетта», симфонические фантазии «Вурт», «Франческа да Римини» и др.), но и в своих симфониях, не заключавших определенной программы, Чайковский остается реалистом и коренным русским человеком, великим знатоком человеческого сердца. Для Чайковского создание симфонии — «чисто лирическое искусство. Это музыкальная исповедь души, на которой много наклепано и которая по существующему свойству своему издается посредством звуков, подобно тому как лирический поэт высказывает стихи. Разница только та, что музыка имеет несравненно более могущественные средства и более тонкий язык для выражения тысячи различных моментов душевного настроения».

Это замечание Чайковского глубоко искренно. Лирика в самом широком понимании слова, лирика напряженная, драматическая, наполненная могучей силой и красотой человеческого чувства,— такое содержание произведений композитора, начиная от его опер, балетов и симфоний и вплоть до камерных вокальных инструментальных пьес.

Интимные человеческие переживания: стремление к счастью и радости, мучительное блаженство и страдания любви, жажда жизни и смерти — получили в творчестве Чайковского такую глубинную поэтическую обобщенность, что его творчество переросло рамки только национального явления и вошло в фонд мировой музыкальной культуры.

Во всем с стим Чайковский остается глубоко самобытным, подлинно национальным художником. Только из-под пера истинно русского композитора могла, например, вылиться музыка «Евгения Онегина» этого поэтического романа в звуках, смело выдерживающего соперничество с гениальным произведением Пушкина.

Не случайно «Евгений Онегин» является одной из вершин творчества Чайковского. Здесь он впервые нашел то, что полностью отвечало стремлению художника-реалиста: глубоко психологическую драму, выходящую за пределы фабулы русской природы и быта, столь милых его сердцу. Характерно, что не холодный

П. И. Чайковский (1840—1893)

скептицизм Онегина, а горячее, искреннее чувство Татьяны, ее богатый душевный мир уловил композитор, и ему «с невольной силой — как он сам об этом писал — захотелось положить на музыку все, что в «Онегине» пропущено на музыку». Именно в связи с выбором сюжета «Евгения» Чайковский писал своему другу и ученику — композитору С. И. Танееву: «Я ищу интимной, но сильной драмы, основанной на конфликте положений, много испытанных или виденных, могущих затронуть душу за живое». Большая близость и полнота композитору интимных переживаний пушкинских героев, особенно Татьяны и Ленского, заставили его «повторяться беспобудному внутреннему влечению» и сознательно пойти наперекор всем установившимся оперным традициям того времени.

В «Евгении Онегине» нет ничего, что бы придалось к господствовавшему тогда на оперной сцене монументальному, ложнооперному стилю так называемой «большей оперы», с ее напыщенными героинями, торжественными шествиями, битвами и прочими пышными театральными аксессуарами. «Лирические сие-

ны» — так назвал Чайковский свое любимое детское, хорошо соназвано, что название «опера» в ее традиционном значении не подходит к «Евгению Онегину».

Это же соображение долгое время не позволило композитору считать, о постановке оперы на большой сцене. Он боялся, что безудачный академизм, рутинность, холодность, царившие тогда в казенных театрах, испортят его замысел и глубина не оценит тонкой поэмы «Онегина». «Чем больше я думаю об исполнении этой оперы,— писал Чайковский,— тем более убеждаюсь, что оно невозможно, т. е. такое исполнение, которое соответствовало бы моим мечтам и замыслам. Особенно Татьяна и Ленский меня ставят в тупик. Поэтому я склонен думать, что, за исключением консерваторского исполнения, на которое и смотрю, как на пробу и учебное упражнение, опера моя никогда не увидит света».

По воле автора, «Евгений Онегин» действительно впервые был исполнен силами учеников Московской консерватории, 17 марта 1879 года на сцене Малого театра. «Там будет лучше, потому что не будет рутинности», — утешал себя Чайковский, творчество не предпринимая шагов для постановки «Онегина» в императорских театрах.

Однако страх композитора не оправдался. Постановка через год на сцене Большого театра, а затем в 1884 году — в Петербурге, «Евгений Онегин» сразу же привлек к себе горячие симпатии русской публики и до сих пор пользуется самой широкой популярностью и любовью не только в нашей стране, но и за границей.

В последующих произведениях Чайковский не изменяет своим художественным идеалам, так совершенно выраженным им в «Евгении Онегине». И в историческом сюжете «Мазепы», и в романтической «Чародейке», и в интимной опере-экспрессионистской эпохи, данной —

«Пиковой даме», композитор непрерывно ищет глубоких психологических мотивов. Не демонические, сверхчеловеческие страсти, а глубокое проникновение в психологию женской души — вот что неизменно привлекает слушателя в трогательных образах Марии («Мазепа»), Настасьи («Чародейка») и Татьяны («Пиковая дама»). Простота и искренность образов Чайковского, несомненно, связаны с тем, что композитор сам глубоко переживал со своими героями в радости и страданиях. Онегин характерны для Чайковского, например, его переживания во время работы над «Пиковой дамой». Вот что писал сам композитор по этому поводу:

...когда дошел до смерти Германа и заключительного хора, то мне зашло в голову, что я вдруг начал слишком долго. Это плавание продолжалось ужасно долго... Потом я соорбил вочену...

Оказывается, что Герман и был для меня только предлогом писать ту или другую музыку, а все время настоящим живым человеком, притом очень мне симпатичным. После окончания оперы во многих письмах Чайковский упоминает о том, что Флоренция (где

он писал («Пиковую даму») стала ему неизвестна, так как в этом городе умер Герман.

Наряду со светлыми лирическими страницами в музыке Чайковского часто встречаются образы большой драматической напряженности и подлинно философской глубины.

Стремясь к своему творчеству глубоко охватить жизнь, Чайковский раскрывает не только ее радостные и светлые стороны, но и ее горести, неизменно сопутствующие человеку на его жизненном пути.

Жизненные невзгоды — неудачная женитьба в 1887 году, музыка, трагично критикуя — все это накладывало, несомненно, свой отпечаток на чувствительную душу композитора. Сказались и тяжёлая обстановка атмосфера 80-х годов, вызвал политическая реакция. Среда, окружающая Чайковского, не могла охватить его от мучительных вопросов, назреваемых приближением старости.

Страх перед будущим, боязнь страшной гонимости — смерти, грустное сожаление о светлом прошлом у Чайковского, с его нервой и впечатлительной натурой, принимают некоторые превращённые формы выражения. Но и тут он остается величайшим лирическим поэтом, облекая свои переживания в грандиозные философские концепции (IV, V, VI симфонии, «Пиковая дама»).

Образы музыки, рока, как поэтическое воплощение идеи судьбы, неуловимо подстрекательской человека на его жизненном пути, отчетливо вырисовываются уже в IV симфонии Чайковского. И хотя композитор сказал однажды, что программа этой симфонии «такое, что формулировать ее словами нет никакой возможности, это возбудило бы насмешки и показалось бы комично», он все же пытается раскрыть ее содержание в письме к Н. фон Мекк. Грошние водгасы модных инструментов, которыми начинается первая часть симфонии, композитор считает зерном всей симфонии, безусловно главной мыслью. «Это фатум, это та роковая сила, которая мешает норме и счастью дойти до цели, которая ревниво стережет, чтобы благополучие и покой не были полны и безоблачны... Она непобедима, и ее никогда не осилишь». Остается смириться и бесцельно тосковать...

Безрадостное и безнадёжное чувство делается все сильнее и более жгуче. Не лучше ли отворнуться от действительности и погрузиться в грезы. Вслед за развитием первой темы появляется вторая, более светлая, мечтательная: «О радости по крайней мере, сладкая и нежная греза выныла. Какой-то благодатный, священный человеческий образ пронёсся и манит

куда-то... Как хорошо!.. Все мрачнее, безотрадно полагаето... Нет! это были грезы, и фатум пробудет от них...» Воины, громо звучит мотель вступлении — тема фатума, рока.

«Итак, вся жизнь есть непрерывное чередование тяжелой действительности со скороточными опьяняющими и грезам о счастье... Приставит нет... Плыть по этому морю, пока оно не охватит и не погрузит тебя в глубины своего. Вот, приблизительно, программа первой части».

Однако в финале симфонии (построенном на теме русской народной песни «Во поле березонька стояла») Чайковский еще пытается найти припримение к жизни: «...Если ты в самом себе не находишь мотива для радости, не ищи его... смотри на других людей. Ступай в народ. Смотри, как он умеет веселиться, отдаваясь безраздельно радостным чувствам... Веселись чужим весельем. Жизнь все-таки возможна».

Глубокая скорбь, нестрававшие души, жадно ищущей счастья, слышится в этой музыке, потирающей слушателю своей вложенного в нее чувства.

В «Пиковой даме» и VI симфонии трагические настроения композитора достигают предела. Образы судьбы, роковой обреченности в этих произведениях получают еще большую философскую глубину. Пугливое заглядывание в тайны небытия, мучительное желание найти ответ на вечный вопрос о смысле жизни, почти мистический страх перед смертяю, таково содержание этой музыки, с полным правом несшей эпитет гениальную.

Еще прорывается присутствуя композитору жажда счастья, тита к свету и солнцу в планетильном балете-сказке «Спящая красавица», в балетной феерии «Щелкунчик», в восторженном лирическом гимне красоты и свету — опере «Иоланта». Но катастрофа неизбежна. «Она (роковая сила) непобедима, и ее не осилишь...» — писал Чайковский по поводу IV симфонии. «Она победила» — слышится в его VI симфонии («Пятая симфония»). Эта симфония, как намекал сам Чайковский, по своему настроению напоминающая «реквием» (панхиду), является лебединой песней композитора.

Симфония была закончена в Клину 19 августа 1893 года и 16 октября исполнена в Петербурге под управлением автора; а через восемь дней, а ночь с 24 на 25 октября, Чайковского не стало.

* * *

Мрачные настроения ряда последних произведений Чайковского позволили многим считать его «певцом мировой скорби». Эта точка

зрения крайне однообразия и потому неверна. Правда, как мы уже видели, трагические настроения сильно выдвигают композитора в последние времена. Но именно потому ему так была тяжела разлука с жизнью, что он искрено и страстно любил ее, любил природу, народ, который ему платил тем же. Выдающийся русский музыкальный критик Герман Ларош писал:

«В высочайшем, на мой взгляд, моменты его вдохновения является чувство боевое и светлое, иногда лирическое, и эти моменты почти всегда дают отпечаток русского духа, русской шири и величавого размаха. Нередко темы или приемы заимствованы из народных песен... или, что крайней мере, вдохновлены ими, сочинены в их стиле...»

Титульный лист партитуры оперы «Евгений Онегин». Первое издание П. Крексова.

Интересно, что Чайковский брал народные мотивы обычно не из сборников, а черпал из живой музыкальной практики. Например тема аланде наиболее популярного русского квартета занесена с голоса штукатура, который работал в доме, где жил Чайковский, и несколько дней сразу будил его своим тенем. Тем парадный знаменитого фортепианного трио, посвященного «Памяты великого артиста» (Николай Рубинштейна), основана на песне, услышанной Чайковским от крестьян во время поездки на Воробьевых горах.

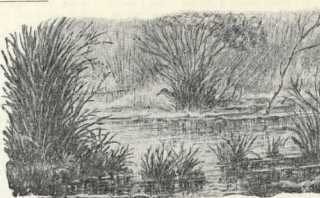
Русская народная песня, ее выразительные интонации пронизывают творчество Чайковского; но даже и там, где нет прямой связи с народной песней, его музыка напоена поэтическим ощущением русской природы, с ее широким захватом, с светлой, несколько элегической красотой. Живые традиции русской и западной музыкальной классики и народная крестьянская песня питали творчество Чайковского, как и другие русских композиторов, но диапазон музыкального языка Чайковского особенно широк.

Величайший симфонист, подытоживший весь путь русского и западноевропейского симфонизма XIX века, оперный композитор, создавший галерею образов, великих и сокровищину мировой драматургии, Чайковский руководствовался в своем творчестве только искренним стремлением к художественной правде.

Нашая и эмоциональная глубина музыки Чайковского, огромная реалистическая яркость и подлинная народность его художественных образов сохранили всю силу воздействия и в наше время. Музыка Чайковского стала достоянием народа. Любимо и празднично отмечает сейчас страна столетие со дня рождения гениального композитора — величайшего представителя русской духовной культуры.

Первая постановка «Евгения Онегина» в 1879 году в Малом театре. Исполнители — студенты Московской консерватории. На снимке: сцена бала у Лариных.

КУЛИЧОК

РАССКАЗ

Уже больше двух часов бьют первого ястреба снайпер. Лехин укрывался от противника в зарослях тростника небольшого озера.

Он сидел по пояс в поросшей водорослями воде, чувствуя, как онемевшие в разбухших снажках ног засасывает вязким илом.

Солнце еще не взошло. В небесах висели чуть тронутые пологом облака... К сияющему вдали солнышку тянуло ключья тумана.

Лехин взглянул на винтовку, берящую положенную на кочку, поправил кожаные колпачки, предохраняющие линзы оптического прицела.

Он с досадой вспоминал, как это случилось: прикрывая отход своего подразделения, Лехин увлекся и не заметил, как с фланга приблизился к нему вражеский стрелок-истребитель. Чуть брезжил рассвет, и всплывши выстрел предательски демаскировал Лехина.

Вражеский снайпер, повидимому, неплохой наблюдатель, реагировал мгновенно. Первый его пуля едва не коснулась каски, вторая — зарылась рядом с рукой, когда пришлось полком спускаться к озеру.

Наша пехота, отгнанная на себя противника, ушла в сторону. Центр боя переместился куда-то к солнышку, а Лехин и вражеский снайпер остались один на один. «Самое неприятное», — думал Лехин, — что преимуществу первого выстрела у него. Выследить его отсюда трудно. Придется молчать до вечера, а в темноте незаметно уйти. Определяя приблизительное время, Лехин высчитал, что сидеть в воде придется не меньше четырнадцати часов.

Он придвинулся ближе к кочке. Тяжело пошевелил ногами. Со дна поднялись клубы серого ила.

В спокойной красноватой воде он увидел свое отражение: обросший ржавчиной стальной человек в каске, с перевязанными чередою поясным ремнем, противоядием и поддушками...

Губы побелели и потрескались. В складки рта и носа набалбас пыль.

«Хорошо!.. Если примет поперешему, то вина будет даже кста!»

Он заметил водяного жука, всплывшего у кочки. «Греется», — улыбнулся Лехин.

Жук исподлобью встал, подставив солнцу ланцетовую с отливом спину.

Вдурт метрах в десяти, у середины озера, зашевелился осокор. Что-то тяжелое плюхнулось в воду.

«Красавец!» — успел подумать Лехин и сейчас же услышал гулкий свист близкий выстрел. «То-и-и», — тонко зашела зари-кометишина от воды плыв.

Жук-плывец тревожно скользя к берегу, вынырнул из воды. Лехин инстинктивно пригнувшись к кочке. «В меня стреляет. Думает, что я так бульну!»

То лязгу выстрела Лехин определил, что снайпер залег примерно метрах в полутораста — двухстах.

У той дистанции Лехин на стрелище в школе шута выбивал самые мелкие снажки. «Не зря вынул тогда, это встретится с пани!» — думал он, охватывая навальник огневой подготовки, проверяя результаты понаятий.

Но это так, в вражеской обстановке, где не приходится сидеть по пояс в воде и вытаскивать ноги из ила. А тут... встреча получается не в веселье...

Следующие два часа Лехин осознанно срезал тростник. Вырывать длинные, волокнистые стебли было рискованно. Он перегнывал каждую стрелку зубами. Очень медленно, но положительно, по ложить патроны на кочку он не решался.

Из тростника Лехин сплел тонкую бичеву. Время от времени он бросал стрелу и освобождал погружающийся в ил ног.

Когда бичева была готова, он слезал с кочки и шлепал ее на соседнюю зыбкую кочку, густо поспушную осокор.

Первый отход ружья винтовку, а другой — свободный комен бичевы, Лехин пошел вперед. Он проделывал с большим трудом. Кроме того, как проволочка, корень водорослей прижались тут, Растение в десять метров отняло примерно полчаса.

Он очень утомился, когда достиг края озера. Стальная каска была мокрая от солнца и жгала голову. Москиты навязливо набивались в уши и носиди, жалали незащищенную шею.

Лехин обинивал винтовку пучками водорослей от нижнего, доложного колыма до мушки.

Выбрав более удобную кочку, он

увертел винтовку, снял колпачки с прицела и осторожно выдвинул ее сквозь густую шетную осокор. Причиной движением головы он никак точнее расстояние глаза от окуляра...

В ясно очерченном круге оптического прибора задалблился марширующий отряд солдат, прицельными линиями.

Дуги залит водой... В эти тридцать метрах он верховил в сухую возмущенную поляну, усыпанную мелкими желтыми цветами. Еще дальше поднимается бесчеловечный скос с низкорослыми, редкими березками у самого края.

Нет, снайпер не там... Лехин внимательно рассмотрел всю местность. Может быть, он упустил?

Лехин silently потянул тростниковую бичеву. Зыбкая кочка раскочкалась и зашумела осокор. Через равные интервалы раздался два выстрела...

Стрельяи осокор близки, но откуда, Лехин не уследил. Он потянул еще раз за бичевку, но она долго удержал равновесие.

Хотя кочка, как и в первый раз, водоружно и зашумела осокор, противник больше не стрелял: то ли он понял, что его обманывают, то ли решил дожидаться более удобного момента.

С удвоенным вниманием Лехин прилеп к окуляру. Освещенная солнцем местность в чистых и сильных линзах была видна отчетливо, как простым глазом.

Вот тут кончается маршилка. У самого берега находилась куличок. Сложивший какой-то: два выстрела, а он сидит как ни в чем не бывало. Несколько темноватых точек поднимались на высоких стеблях. Кажется, крик... А это что? Пора? Сусидк вырвал... Над водой марше. Нет, не марше, а чуча москитов. К чему бы? Может быть, у воды лежат пададь?

Лехину показалось, что он даже слышит, как в знойном воз

духе тонко гуляет плышущая над сушевой водой ста насосидки.

Он провел ладонью по взмохте от напряжения ще. На руке остались следы кровяи.

Лехин взглянул вверх. Над его головой то густела, то рассмалась живая сетка москитов. Такая же, как над сушевой водой...

Определив точное расстояние до норы, Лехин взвел курок. Потом не отрываясь от окуляра, снял с головы каску и начал медленно приподнимать ее на руке.

В норе зашлепался черный кружок с блестящим ободком — дульный срез винтовки.

Несколько осокор Лехин слышал только бичеве своего сердца. Куличок продолжал сидеть нахохлившись.

Лехин вздрогнул. Со спусковой скобы оборвала и упала рядом капля воды, сбегавшей по винтовке от нававшихся на нее водорослей. Упала громко, как камень. Дульный срез в норе покатился и замер.

Лехин нажал спуск.

В оптический прицел он видел, как снайпер будто раненый, забился на одном месте куличок, как неожиданно и страшно покатился из-за норы чубок в желтом, нога шлет осокор. Лехин хватая воздух вымытыми руками, он шагнул вперед, но сейчас же осек и опрокинулся навзничь.

Лехин сел на колени, забыв неуживе больше водоросли. По привычке заболтал спиртал стрелую гильзу. Поставил курок на предохранительный взвод и стал вытаскивать из озера.

Первый раз за эти сутки он шел, выпрямившись но весь рост. Тело приятно вяло. Небеса темнели, разбухший сапог дестели бризги весело журчащие нагретой соляной воды. Мелкая рябизна, сверкая чешуей, рассыпалась в сторону. На край мочажина, у горки песка в спортытом в ней шизоном отверстием, извалии намоинавшие сушевые кощур. Дождал убий. Пули пона... дошло и вздробила шейные позвонки.

В нескольких шагах дальше привинзана к колышки спосноно-но блещет сероюва гильза.

Лехин поднял куличка. Его крылья были стянута шиткой. В черных березках гильза металась восток.

— Боинш! — громко сказал Лехин.

Он с удовольствием использовал в себежине развала утлы на крыльях в тонких ножках куличка.

С раскряканных горячих ладоней птица испорнуца в воздух. Остатки крыльями она зачертила шико над берегом озера, разлуась простору, яркому летнему дню, наанному солнцем и ароматом трав.

ЗНАКОМЫЕ ЛИЦА

...Как-то молодые люди решили поднести девушкам цветы черемухи. Но лезть за цветами на дерево никто не захотел. Черемухе стыбали.

Вот эта улица, вот этот дом, вот этот подъезд...

Молодой человек подымается на четвертый этаж и стучится (звонок не работает) в одну из дверей.

Вот эта квартира.

Дверь долго не открывают. Обычная история! Каждый считает, что сейчас откроют дверь — очередь соседа. Но и соседа, на которого возлагаются надежды, нельзя обвинять в слабонадежности. Он с большой выдержкой ждал, пока дверь откроет кто-нибудь третий.

А гость стоит на лестничной площадке и жлет.

Наконец, какой-то паренек открывает ему. При этом он взглядом сканирует на пришедшего: «Чорт меня дернула открывать дверь, раз это не ко мне!» — можно прочесть на его лице.

Пришел собрался было что-то спросить, но не успевает задать вопроса. Парнишка проворно приселся, оставив гостя одного в темной прихожей.

Гость остается в пустой, необжитой передней, из тех, в которых жильцы не рискуют оставлять ничего, кроме денег, детских сапожков и помойный ведро.

Наконец, где-то в недрах квартиры слышатся шаги, и в полуметровом коридоре показывается Баруков.

Хозяин приветливо озабочен с приятелем, своим соседушкой по вечернему институту.

— Что же так поздно? А я тебя уж и не ждал, приятель.

— Задержался в кассе. Да и у вас вот дверь долго не отпирала, — оправдывается озадаченный.

— Значит, это ты стучал?

— Ну да.

А я не открывал: думал, к соседям.

Молодые люди садятся за обеденный, но занятия продолжают по телефону. Трудно сосредоточиться: справа слышат музыку, затем какая-то радиопередача.

Сосед Барукова по квартире, электротехник Петр Хлестов, опять ушел на работу и не выключил перед уходом громкоговорящего.

Ирехонские трубы были, очевидно, довольно бесшумными духовными инструментами по сравнению с репродуктором Хлестова. Громкоговорящий мешал всем соседям спать, заниматься, думать, отдыхать.

Как раз утром того дня, о котором идет речь, квартирник Ольга Лютюкова обратилась с просьбой к владельцу громкоговорящего:

— Нелзя ли, товарищ Хлестов, приглушить ваше радио?

— Не нравится — не слушайте, — последовал ответ.

— Странный человек! Мы бы рады не слушать. Невозможное! Вчера Михаил работал в ночь. Только лег — радио. Так и не выспался. Ведь вы же, Петр Петрович, — продолжала соседка более просительным тоном, — все равно гимнастку по утрам не делайте. Зачем же оно нам в таком...

— Да вам-то какое дело до этого? Я из-за вас на работу опаздывать не намерен.

— Но ведь у вас есть будильник.

— Будильник — это не то. Будильник свое отменяет и закидает, радио загоняет — уже на другой бок не повернешься. Со.radioзает. Понятно?

— Не совсем.

Тут Хлестов всплыл и сразу перешел на фуглянский тон:

— В моих действиях, гражданин Лютюкова, ничего незаконного нет. Радио можно включать с шести утра до двенадцати ночи. Понятно? Прочитайте правила. А если вам не нравится, — жалуйтесь.

И он круто повернулся, обрывая разговор.

Но были ли сами Лютюковы вполне удовлетворены и отыгравшего отношения к соседям? Увы, у четвертого квартирника, нормировщика Вишняка, такого впечатления не содалось.

Семилетняя дочь Вишняка Маринка сильно протрудилась и слезла с воспитанием летника.

Как раз в эти дни Лютюковы собрались отметить первую годовщину своей совместной жизни.

Вишняк, узнав о готовящейся вечеринке, осмелился обратиться к Лютюковой с просьбой перенести праздник, устроив его накануне следующего выходного дня.

— Все-таки ребенок, знаете ли... — несмело промолвила нормировщик.

Он махнул и, видимо, сам был отеч смущен своей просьбой.

Лютюкова построила недолговую гримасу, а затем обижено проговорила:

— Какой вы страшный! Что же? Выходит, из-за вас мы не можем вечеринку устроить? Ничего с Маринкой не случается.

— Я, конечно, понимаю, но...

— А если ваша девочка месяц провалится? Значит, нам нельзя ни собраться, ни потанцевать? Странно!

И соседка уловенной энергией продолжила приготовления к вечеринке. Вечером у того же соседа Вишняка Лютюкова, как ни в чем не бывало, одолжила всю обмуруженную у него посуду, три стула и консервный нож.

Пыльная пирушка была в полном разгаре, когда Вишняк набрался смелости и поступился к Лютюковой. Он приоткрыл дверь и поманил пальцем хозяйку.

Михаил вышел в коридор.

— В чем дело, дорогой сосед?

— Прсыда у меня большая. Все-таки, знаете ли, ребенок. Нельзя ли попросить гостей шуметь потише?

— Что же вы ни тосты прикажете пошопотом объявить или танцевать на лыжках?

Но дослушав, Лютюков сделал рукой установленный жест, как бы отмахиваясь от наглодого собеседника, и вернулся к своей компании.

Из комнаты громче прежнего доносились крики, звуки патефона, хохот.

Как-то три молодежьеские девичьи отсыревшими голосами пела сперва про утомянное солнце, которое нежно с морем прошлось, а затем про Салку, Сашку, этот, очевидно, обладавший очень короткой памятью, так как девушки раз шесть в течение ночи считали своим долгом напоминать забывчивному кавалеру: «Саша, ты помнишь эти восточки?»

На рассвете гости шумно разошлись. Лютюковы сами уже давно улеглись спать, а больная Маринка, лежавшая за стеной, еще не смыкала глаз.

В один из февральских вечеров в комнате Барукова было домытуто особенно холодно. Хозяйка комнаты и ее приятель сидела за чертежными досками в углу, накупивших на плечи. Рейсфедер плохо повиновался окончившимся пальцам.

Консидант дома Иван Матвеевич уже спускался в котельную, побывав в квартирах других жильцов и удостоверившись, что центральное отопление работает исправно. Почему же холодно в квартирах четвертого этажа?

История потеряла всю свою загадочность в тот же вечер.

В соседней квартире жила контролерша инструментального цеха Тося Ямова. Вместе со своими подругами она затеяла дома стирку. Но нагрянул волею для этой цели ей не хотелось. Как быть?

Молодая инструментальщица нашла несколько неожиданное решение задачи. Она наловчилась отгнать в тесном ключом края радиатора центрального отопления — и к ее услугам появилась горячая вода. «Добрых» мыльница приняла широкие размеры. В те часы, когда в комнате Ямовой работала полноводная вода, хозяйка прачечная, в соседней квартире люди недоумоменно оцупивали холодные трубы отопления, притяли руки в карманы, ождали до холода.

В житейских лютюковских домах можно найти немало других, столь же плеточных бытовых происшествий. В доме можно начистить еще несколько молодых людей, которые, по выражению Ивана Матвеевича, не имеют «ни уграмы, ни совести».

Не о худших, бувах, дебошаров — на них в конце концов можно найти упрашу с помощью команданта или милиционера — идет сейчас речь.

Разве в квартире, где живет Баруков, все соседи — буны или закоренелые злодешники? Вовсе нет! Нельзя сказать, что там часто вспыхивают ссоры и скандалы, что квартиранты враждуют между собой, придираются к каждому шагу соседа.

Все обитатели знакомой уже нам квартиры, в сущности говоря — довольно симпатичные, неплохие люди. И Хлестов, и Лютиков, и Барсуков известны на заводе как хорошие производственники, активные комсомольцы, слабые товарищи. Их неслышно и не замечают в грубом отношении к своим соседям по цеховому простору. Наоборот! Нередко они по своему почину помогают менее опытным соседям.

Но в домашней обстановке, в быту от этой предупредительности молодых людей не остается и следа. Здесь они почему-то бывают необщезнакомы с другим, грубым, не желают считаться с волею, удобствами, интересами соседей.

Мужике юности и девушкам ведут себя дома как случайные постояльцы. Электротехник никак не собирается починять звонок в своей квартире. Его соседи не собираются приобрести пензляки для передачи, положить плиночек у двери, вынуть лампочку и т. д.

Каждый из квартирантов рассуждает примерно так: «Конечно, я мог бы этим заняться. Но почему я, Барсуков, обязан заботиться о Хлестове?» Или: «Почему я, Хлестов, обязан заботиться о Лютиковых? Что, мне, больше всех нужно?»

Нам довелось как-то прожить две недели в доме отдыха вместе с Петром Хлестовым. Кто бы мог подумать, глядя на этого чинного, скромного юношу, что у себя дома он нередко отравляет всем существование?

Вечером, во время тишины или в чистиле, вся его фигура — вплоть до оттопченного мизинца правой руки — парализована нежностью, рудание. Улыбка (она была задумана как непринужденная и оборотительная) часами не сходила с его лица.

Как-то молодые люди решили предложить девушкам походок — нарвать им цветущей черемухи. Но деть на дерево вместо не захотел: еще, мерзая час, испарившись, порывом о сучки рубашку. Хлестов неделю думая достал на кухне топор. Черемуха, которая росла в рощице, недалеко от беседки, срубил. Пахучие пыльные букеты были очень скоро вручены девушкам. Никто из них не догадался остановить не в меру расторопных мальчишек.

На следующий день Хлестов с компанией размякчался на берегу реки. После того как принятии расплаив воду, на песке, шагов за тридцать от себя, они установили пультую бутылку. Выд открыт необычайный тип. Решая состязаться: кто скорее извлечет камень в бутылку. Очень скоро о бутылке узнали поплавились один только осколки. И никто из этих «стрелков» не подумал о том, что по берегу разгуливают купальщики, бегают босиком ребятишки...

Как всегда, меньше всего Хлестов считался с другими: будь то соседи, оглушенные

радиопрозором, или отдыхающие, которые не хотят больше и будут любоваться плещущей черемухой, или купальщики, которые порезали на ноги расплываюся за вежливую забаву.

Нередко представить себе, как Ионов, Хлестов, Лютиковы и им подобные ведут себя где-нибудь на улице, в трамвае, в очереди к кассе магазина, в кино...

Нередко такие молодые люди — любители и мастера поскандывать, погорланить. Они часто лезут на язык и сферизируются.

Такой молодой алким влетом отнесит старика из очереди к автобусу, а войдя в автобус, будет грубо прокладывать себе дорогу локтями. В вагоне поезда он откажется уступить никуда никуда никуда. Он не постесняется препираться в трамвае с матерью, держащей на руках младенца, из-за освобождения места: «Ваших мест восемь, там и устанавляйтесь!»

В один из дней минувшей зимы, когда голландка превратила мостовые и тротуары в опасный коток, на людном перекрестке рабочего поселка, около входа в клуб, поскользнулась и упала женщина с сумкой в руках. Неподдалеку проходили трое молодых людей. Один из них, не замедляя шага, посмотрел через плечо на упавшую женщину и затем грозно и почему-то чрезвычайно вежливо воскликнул:

— Вы — и нет старухи!

Слушатели встретили неуместную острооту городским смехом. Но никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь женщине, с трудом подвигавшейся с обледеневшей мостовой, добраться до тротуара.

Молодежкам Лютиковым — непременные посетители концертов в заводском клубе. Легче всего их заприметить перед самым окончанием программы. Они имеют обыкновение вставать со своих мест еще до того, как прозвучали заключительные аккорды финала симфонии. Лютиковы со стуком отщипывают кресельные сиденья и, вступая соседям на ноги, толкают к проходу. Все кругом слышат музыку, но нашим немодоманам на все это в высшей степени наплевать. Им важно быть первыми у вешалки, ими овладела «калшая лихорадка».

Все это многообразие поведения хамства, грубости, неуважительного и бесцеремонного отношения к людям: будь то сосед по квартире или по креслу в концертном зале, человек или пассажир трамвая.

Пусть большинство советских молодых людей, в недостатках, о которых мы ведем речь, несомненно. Но, тем не менее, нужно во весь голос говорить об уроках в нашей семье, о молодых людях, которые не уважают правил социалистического общежития.

Есть у нас подростки, есть юноши и девушки, которые пытаются иногда смелостью подменить нахальством, уверенность — на-

глостью, которые смешивают понятия «дерзости» и «слабости».

Зверские актомы борьбы за существование диктуют соответствующие нормы поведения. Они явились выражением в таких поговорках:

«Улица нахрап любит».

«На людей уходит — себя умирять».

В социалистическом обществе не может быть места ни этим отжившим свой век поговоркам, ни людям, которые следуют их гнилой мудрости.

Вежливость, внимательное отношение к другим, тактичность — обязательные черты поведения человека социалистического общества.

Речь идет не о «калительнейшей» обстановке, но о привычной галатеи, которые сводятся к жесту, низкотонкому, запискино перед сильными мира сего, к рабскому языку, перешапанному всякими «мерами ваз», «лардами» первого эмира благодарно и т. д.

Под этой приторной чинностью скрываются обычно дикрованное хамство, вежливая наглость, падающаяся грубость.

Достаточно вспомнить приказника Подхалинова из эпоса Островского «Свои люди сочтемся». Какой натали морда покаталась в конце концов из-за вазки угодника!

Сколько молодых, маленьких и крошечных Подхалиновых скрывается в буржуазном обществе под смонгами, мудрами и лаякскими лирами!

Рядучие, учинность, отчаянность советских людей исполнение чувства собственного достоинства. На этой основе строится взаимодоверие людей в социалистическом общежитии.

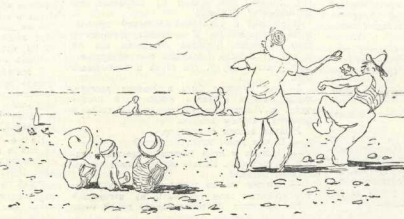
Сталкивая Конституция наряду с исполнением законов, соблюдением дисциплины труда, чинным отношением к общественному долгу образуют весь граждан СССР изучать правила социалистического общежития» (статья 130).

Вежливость, отчаянность, чуткость, конечно, не исчерпывают собой понятия о нормах социалистического общежития, но все они являются непререкаемыми чертами облика советского человека, все они культивируются в советском народе большинством партии.

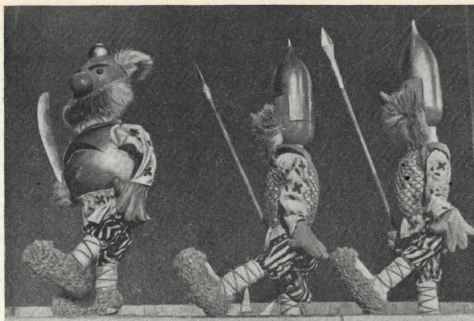
Дело не только в том, чтобы осуждать и признавать к порядку грубиянов, наглотов, ушарей, айтиков. Не менее важно научиться вытравливать из всего житейского обихода мельчайшие проявления хамства, грубости, наглости.

Самый первый шаг в ознакомку нам квартиру на четвертом этаже нового дома. Нет необходимости указывать точный адрес Барсукова и его соседей. Пусть сами читатели испоникнут: не знакомы ли они с обязательной этой квартирой.

В самом деле, читатель: где эта улица, где этот дом, где эта квартира?..

... Компания гравелилась на берегу реки: шаркала камни в бутылку.

Л. КУРТ

КУКЛЫ НА СЦЕНЕ

Представьте, что вы вконец попали в этот театр. Первое, что вас поражает — зрительный зал. Он оказывается довольно большим, а сцена в сравнении с ним — чрезвычайно маленькой. Как картинка в широкой раме, она занимает лишь небольшую часть огромного портала. Кажется невероятным, что последние ряды зрителей смогут увидеть хоть что-нибудь на этой сцене шириной в четыре шага.

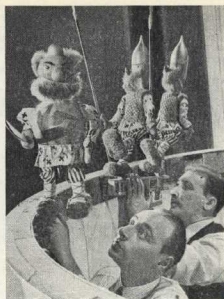
...На маленькой сцене обживает сказка. Убогая избушка, тесный дворик. Сердитый старик-отец сгорю-пашерого выкалывает слякотью сторожить скудный клочок поля от погравы (спектакль-марionетт «Кюлен-Горбушка»).

Паразо войско во главе с генералом идет на непокорного Басюшонку, который не хочет платить по зову шари во дворец (спектакль «По пущуэку исленско»).
— Атында, атында, — командует генерал.
Тыя видит эту сцену зритель.

Но вот свет в зале гаснет, голубой занавес расходится в стороны, и начинается представление сказки Брjона «Кюлен-Горбушка».

Здесь, на этой маленькой сцене, где играют куклы-актеры, сказка обживает во всем своем неповторимом своеобразии. Перед зрителем открывается жизнь, полная живности и простоты. Убогая избушка с бревном вместо скамейки под единственным подслеповатым окошком, тесный дворик, сложенная телега. Деревянный старик с явными бровями и с кучином седых волос вокруг головы мужичку выказывает слякотью сторожить от погравы скудный клочок посева. Старик брjонглин и вылетел, он сердито стучит посохом о землю и, крахти, ковыляет в избу.

Вначале шаркированные персонажи-куклы, с их неподвижными лицами и протезной раз-

А вот как выглядит марш войска не-ва кюлен. Куклы-генерала ведет актер С. О. Симоидов, куклы-солдат — актер Г. Вх. Рюфсолодт.

Здесь показана скрытая от зрителей механика управления марionетной — кукловодение. Механизм эта очень сложная. Марionетты подвешиваются нитками (на фотографии она не видна) и деревянной протезной — вылетит. Нитки обвивают до трапеции. Число их зависит от сложности движений, которые марionетка должна предельно. Актер дергает «нити» в руки и, меняя ее направление, передвигает другой рукой отдельные нитки или группу их. Так он управляет марionеткой.

вечностью движений, кажутся странными, неестественными. Но скоро это высветлится, рассветается, и, когда Иванушка, сидя на телеге, поет свою грустную песню, залу невольно передаются чувства, владеющие сейчас героем.

Зритель переносится в совсем новый для него мир, а мир с нами, где все возможно. И его уже не удивляет, что Иванушка в с-а м о д е л е летит на Коньке-Горбуне за облака, на свидание с Машенькой, понимая, что посреди моря лежит чудок-ит, у которого

«На хвосте село стоит,
Мушкет на губе повушту,
Между глаз мальчишья пушпушту...»

Уже совсем не кажется странным, что по приказу отца острей достают до Иванушки ларцы с перстнем Царь-девицы, а Иванушка Петрович высказывает красавице из котла с кипящей водой, в котлом, наконец, заживо сварившаяся старая злая шар.

Движения марionетных персонажей перестали казаться неестественными, они не отвлекают больше, и зритель следит за действиями сказки с напряженным вниманием. Его волнует именитая судьба Иванушки, он ожидает продолжения характерной и отчетливой торжественности простодушного героя со впадом облегчения.

Когда в зале вспыхивает свет, зритель с удивлением замечает, что он был участником игры кукол не менее, чем был увлечен игрой настоящих, живых актеров!

Но зритель видел спектакль марионеток, а как же спектакль петрушевичей Петрушки и старый незатейливый Петрушка здесь, в Центральном кукольном театре, тоже стал всеобщим актером? Зритель с интересом ищет в петрушевичий спектакль «Кот в сапогах».

Петрушевичие персонажи сказки Петро вполне успешно выдержали состязание с марионетками, и трудно решить вопрос, на чей стороне перевес. А сцена ссоры во время деления имущества между сыновьями умершего мельника («Кот в сапогах») в исполнении кукол была просто удивительной. Такого реализма трудно добиться в обычном театре.

Огромное эмоциональное воздействие игры кукол — замечательная черта кукольного театра. Если кукла своей игрой держит зрителя в напряжении не хуже любого актера, значит, она — актер, значит, кукольный театр — театр превосходной сценической выразительности.

На этом же спектакле («Кот в сапогах») высветилась еще одна особенность кукольного театра: здесь актерами становятся не только куклы-люди, но и куклы-животные и даже вещи. Превосходен, например, кот — главный персонаж сказки «Кот в сапогах». Эту роль ведет талантливейший актер Е. В. Смирновский. Много труда потратил кукольник, чтобы так мастерски передать повадки и ужимки, интонации голоса хитрогому персонажу сказки Петро. Кот в исполнении этого, лучше сказать в «управлении», Смирновского — типичнейший представитель своей породы, от кончика котейды до кончика хвоста.

А ведь! Пустяк, кто-нибудь скажет, что у него, действующих на сцене кукольного театра, нет лица, что вещи не обладают характером и своей особой манерой поведения! Колдун, у которого выжили Жак («Кот в сапогах») — это настоящий юмористический персонаж. Настоящий в своих властных, он посылает струю как раз туда, где ее меньше всего ждет. Нетрудно представить, как весело

воспринимает эту струю актер-колдун зрительский зал.

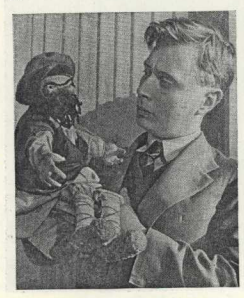
Для спектакля убеждает зрителя в том, что в этом театре любой предмет может быть немного актером, а кукла — актером в лучшем смысле этого слова. И вот у зрителя возникает много вопросов. Прежде всего: как все это делается и кто эти талантливые люди, которые с таким блеском выражают характер персонажа их авиационный путь к кукольному спектаклю — длинный и трудный путь. Так же как и в обычном театре, здесь вначале коллективно читают пьесу, определяют характер персонажа, их авиационные отношения, раскрывают внутреннее содержание пьесы, помогают актеру найти правильную трактовку образа.

Одновременно художник приступает к изготовлению изделов кукол-персонажей. Когда эскизы готовы, они подвергаются творческому обсуждению, во время которого каждый актер высказывает свое мнение о возможности и доводимость. Это делается для того, чтобы приблизить куклу к тому образу, который сложился в представлении актера. Ведь совершенно ясно, что, готовя роль, актер продумывает не только внешние черты, но и характерные для этого образа жесты и повадки. Вот почему важно, чтобы куклу, которую создаст художник, актер-кукольник правым «слесал».

Для того чтобы кукла была предельно выразительной, в ее внешности остается только то, что служит наиболее ярким выражением образа. Но кукла должна обладать еще и мимикой. Это совсем не та мимика, которую мы знаем в живом актере. Мимика кукол — потенциальная. Трудная задача художника заключается в том, чтобы найти для неподвижного лица куклы то особое, сказочное, выразительное выражение лица, в котором были бы заложены начала самых различных выражений. Если это найдено, то зритель, слыша речь куклы и видя ее жесты, силой воображения, незаметно для себя, преврат куклу в лицо, а к данному моменту выражение лица.

Но вот, наконец, после множества подготовительных работ, актер-кукольник в кукольном театре сложны тем, что здесь важно найти ключ к сценической выразительности спектакля в целом и игры каждого куклы в отдельности.

На репетиции в обычном театре актер может вместо бокала поднять коробку спичек и провозгласить завадрийный текст. А если ему необходимо указать, он может выйти в условную дверь, обозначенную двумя стульями. Ему важно запомнить, что и надо делать в данной театре кукла. Здесь важно как раз обратное.

Художественный руководитель Центрального театра кукол, заслуженный артист республики С. В. Образцов с одной из своих кукол.

С куклой в руках актер должен найти способ поднять бокала или решить, как кукле открыть дверь. Вот почему репетиции с куклами всегда происходят в реальной обстановке спектакля, со всеми сценическими атрибутами.

Куклы всегда невольно пародируют человека и могут пародировать его чрезвычайно сильно. В зависимости от роли куклы можно иногда заглянуть эту способность или находить такие приемы игры, чтобы подчеркнуть элемент пародии.

Представьте себе, что по ходу действия кукла должна разрыть слезы гор: она начнет причитать, вытирать слезы и сморкаться, как это делают люди. И легко может случиться, что эти слезы (горючку куклы можно горю вызвать у зрителя хохот. Значит, надо искать такое сценическое выражение гор, которое у куклы вышло бы правдивым. Иногда самым обычным «человеческим» действием у куклы получаются очень смешные, и тогда актер получает в подарок от куклы совершенно не предвидимый им комизм. Например, зритель смеется над тем, что в обычном театре это ничем неисправительно, всем знакомое действие лишено для зрителя всякого интереса. У куклы оно выходит смешно и пародирует актерскую неспособность.

Теперь поговорим об актере театра кукол. Может ли обычный актер вести куклу, и в какой мере разница между кукольным и обычным актерством?

Куклу может вести не всякий актер. Кукловоду, помимо обычных актерских данных, нужно еще многое другое. Помимо звучного, обширного диапазона голоса, ослепительных движений мимикальности, чувства ритма ему нужна еще острая наблюдательность и умение воплотить одновременно несколько образов. Лишь внешность его не играет роли, так как публика актера-кукольника не видит.

Нередко актер-кукольник ведет в спектакле несколько персонажей. Так, артист В. Н. Майский в спектакле «Путешествие в страну сказок» ведет до 20 кукол. Поэтому актер-кукольник и должен обладать способностью совмещать несколько образов, со всеми их отличительными особенностями. Да это и понятно. Поведение кукол и голоса их должны быть совершенно несохожими, иначе зритель догадается, что разных персонажей ведет один и тот же актер, и это уменьшает интерес к игре. Кукловоду должно уметь вести куклы-животных, подражать их голосам. И, наконец, он должен быть режиссером своей куклы так же, как режиссер в обычном театре является руководителем и критиком актера.

Замечательно то, что посетителям Центрального театра кукол являются не только дети (хотя им, конечно, в первую очередь адресуются спектакли), но и взрослые. Искушенные столетние зрители сидят среди малышей и восхищаются не меньше своих соседей особой театральностью выразительностью и своеобразием игры кукол, богатством творческой выдумки людей, создающих яркий, нарядный, веселый кукольный спектакль.

Это заслуга талантливого коллектива Центрального театра кукол, который под руководством выдающегося мастера сцены Сергея Владимировича Образцова с большой изобретательностью, любовью и творческим энтузиазмом работает над созданием большого искусства кукольного представления.

НОЧЬЮ В ЗООПАРКЕ...

— Пойдем завтра в Зоопарк, — говорит мамочка жене, открывая форточку, — совсем весна!

— В Зоопарк! В Зоопарк! — кричат четырехлетние Юр-

...Волк начинает одностонно мычать.

ка. — Димка, завтра мы идем в Зоопарк, самннннн!
 Но Димка не слышит. Он сладко спит, почесывая большой палец. Он еще очень мал, и самый большой титт не может произнести на него впечатления.

Юрка долго не может уснуть.
 — Мама, а тигры спят?
 спрашивает он уже совсем сонным голосом.

— Спят, спят. Спи и ты, Юрка.

— Мама, а обезьяны?
 — Спят, Юрочка. Все спят.
 — Мама, и волк?

— Тоже спит.
 Но волк не спит. Разве может спать волк весенней ночью? Когда пахнут свежестяло набухавшие почки, когда бьется темная вола о тонкую кромку последнего прибрежного Аяда, когда в

...Шимпанзе злобно натгивает одеяло.

угау клетки зелеными огоньками горят глаза волчицы. Волк настороженно прислушивается. Вот где-то далеко прозвучала трамвай, вот на пруду сквозь сон крикнула утка, вот в соседней клетке зашуршали просыпающиеся совы.
 Вдруг до него доносится рычанье аяла. Шерсть подымается дыбом у волка на загривке, и он начинает одностонно мычать. Его вой подхватывают другие волки. А ден все рычит, и все громче и звонко-важное его реет.

Беспособно бегает по клеткам аяленца, аяут шакалам, хочухот гиены, открыв широкие складные пасти.

От аяльничего рева просыпается все вокруг. Аяльница Кингула подымает сонную морду. Она никак не может привыкнуть спать здесь. Здесь незнакомый тревожащий звериный запах, рычанье, визг. Еще недавно она засыпала под музыку, детский смех и шум голосов. Кингула выросла дома у Веры Васильевны Чипалной, подружкинны Зоопарка, и она привыкла, просыпаясь ночью, слышать ровное дыханье спящих людей и сонное всхлипывание новорожденной девочкн. И Кингула еще глубже зрывает морду в густую шерсть своей кормилки — овчарки Перы. От Перы пахнет домом, детством, и Кингула засмывает, вздрагивая во сне.

Рев доносится до обезьянки. Макака Нелька испуганно вскакивает, прижимая к себе своего малыша. Но Мартик родился в Зоопарке, и он не боится аяльничего рева. Мартик спит рядом с матерью, почесывая во сне большой палец. В соседних клетках, сгрудившись, зыбнув дневные шумные сорсы, тесно прижавшись друг к другу, спят обезьяны. Мирно спит ночная лампочка, тикает часы.

Не спит только шимпанзе. Он сидит, покачиваясь, и аяльничего обирает кожу с банана, припрятанного от обезя. Банан такой же, как в Африке,

но у него тонкий, еле заметный запах человека. Банан смутно напоминает ему жаркий запахных запах родного аяла, яркими крикаными птичь... Шимпанзе злобно натгивает одеяло на пасти и аяльничего зрыкает гадая.

Стелка рычанье, вой, аяльничего.

И снова тихо.
 Спит, втянув голову в сутулые крылья, старый кондор. Он очень стар. Он жил в Зоопарке еще тогда, когда здесь по вечерам гремела оркестр, нем и лавала штыгетка, звенели ромки в ресторанах, когда испуганные звери жались в темную гулку клеток от извозываых троточек щеголаей и яльничего запаха тоаых кулчек, от яркого света и шума.

Ночь. Тинина. Только изредка хрустнет песок под ногой у сторожа, скрипнет фонарь, покачиваясь от весеннего ветра.

На ветеринарном пункте ярко горит свет. Врач склонился над маленькой обезьяной. У нее очень тяжелые роды. Она вскрикивает, стонет, хлывается руками за живот. И дежурный ветеринар решает, что необходима помощь специалиста. Она звонит одному из крупнейших московских гинекологов. Когда раздается звонок, — профессор спит. Но привычные слова «первородница» и «хуже ли так?» заставляют его пронуться. Его просят приехать на консультацию.

— Какой родильный дом? — спрашивает профессор.

— Это не родильный дом? — Рождает дома? Адрес?

— Зоопарк. Это обезьяна, профессор.

— Человекообразная? — в голосе профессора поааное недоумение.

— Нет, макака. Она очень страдает.

— Я еду.

Через полчаса профессор млет руки в светлой белой операционной Зоопарка. У обезьяны испуганные карие глаза, на шерстистый мордочке темные склады слез. Она

сжимает сморщенные черные руки. Когда она засмывает под наркозом, профессор начинает операцию.

...Аяльница Кингула подымла голову.

— Ребенка, т. е. я хотел сказать детеныша, спасти не удастся, — говорит он, из-под очков глядя на заведующего ветеринарным пунктом.

Вечерняя прошла хорошо, и больная спокойно спит. Конечно, жаль маленького, но что же делать? Первые роды... Профессор выходит из ветпункта. Он жалко выхает вальничего, весенний вольух. Качаются обаянные ветки деревьев. Вальничего мерцает слабый огонек.

Там, в маленьком деревянном домике, где заветали сейчас свет, вальничего. Сотрудница Зоопарка Аяна Степановна Степанова вышла посмотреть, все ли в порядке.

Вальничего понуган спит в маленьком домике. Днем он вылетал бы ей навстречу легкой стеной: вальничего, голубое, синие, блане. Кружались бы над ней, шибетали бы, сядились бы на пасти, на руки... Но сейчас они спят, пригретившись в темных теплых гнездах.

Аяна Степановна, несамую ступни ночными туфлями, проходит мимо больших вольер с поугатами, набитыми, чтобы заглатывать в клетку, стоящие вину. Черный ворон открывает желтые круглые глаза «Ворроррор!» — крикнул он, и его глаза снова затгиваются белой пленкой. Очкая африканская сова привдвигается к сетке

Спит старый кондор.

с каскетом, напоминающим ворквяные голауби.

Рядом приоткрыты туси: они розмазаны поздней осестью, и Анна Степановна выходяла их.

В соседней клетке альбицеи Анны Степановны — ручной хорек. Он уж совсем не имеет отношения к птичке и живет здесь по праву дружбы. Он высмывает тулупу выматывающую мордочку, прожывая взглядом свою воспитательницу.

Анна Степановна возвращается к себе. 20 лет она работает в Зоопарке и живет здесь же, при птичнике, в маленькой комнатке, отделенной от неумолимого птичьего шеста тонкой стеной. Все маленькое, слабое и беспомощ-

Обыкает дружная семья бегемотов.

строит здесь свои летние гнезда из пены. Когда выводится из икринок крошечные малышки, самец выращивает их во рту, заботится о малышах. Но, как и все дети, малышки вырастают и перестают слушаться своих родителей. И вот тут-то и надо вовремя отсадить самца, и привлечь разраженника он может есть всех малышей.

В большом аквариуме плавают страшные электрические угри. У них бугорчатая, алая кожа, спина и пылающее алое брюхо. Дотрогнуться до этих полуметровых чудовищ так же страшно, как войти в трансформаторную будку. Рыбки, живущие на берегах Нила, знают, что если к берегу прибавит мертвую рабу, значит, близко электрический угорь. Работники аквариума, взвешивая и измеряя их, работают в резиновых перчатках.

Светает. Просыпаются утки. Они кричат, суетятся, чистятся, и, осторожно покачиваясь, спускаются к воде.

Около пруда высокая гранитная гора. На самой верхушке ее черной, словно нарисованной тушью на белом светлом небе, неподвижно стоит круторогий горный козел. Он откинул назад голову с тяжелыми змугнутыми рогами. Рядом с ним стоит малыш, похожий на него, как две капли воды. Только вместо рогов у него маленькие утолчки. Но это ничего не значит, он очень драчлив. Через два часа после рождения он уже готов вступить в бой. Покачиваясь на тоненьких ножках, наклонив беззубую губную мордочку, он боком насквакивает на сторожа, из мать, на брата...

Несмышлый, эластичной походкой выходят на просторные пашаки, отделенные глубокими вади, уссурийские тигры. С шумом прыгают в прозрачную воду бассейна белые медведи. Они гонятся друг за другом, фыркают и

пыряют. Маленькие маляйские медведи, как и жизнь похожи на медвежат, осторожно ступая голыми, розовыми лапками, подходят к самому краю бассейна. Приподнявшись на задних лапах, они смотрят, как бассейн наполняется водой.

Все шумнее и оживленнее делается в Зоопарке.

На кухне готовят пудинги с изюмом для обезьян, запеканки из риса и яблок для птиц, отвешивают для салонов соевое, капусту, морковь, сахар, стручки фасоли и подают рыбным жиром соевое мясо. Не шутка — икорный завтрак обитателей Зоопарка.

Приоткрыты и разнообразные их привычки и потребности. Птица тукая с громадным толстым клювом привыкла на воле питаться плодами и орехами. Ее кашей не накормишь! И в Зоопарке для нее из муравьиных яиц и кулечков сваренных вертуту грибочки или скатывают шары, которые она глотает целиком. Привыкшая звери к и новой, непривычной для них на свободе пище. Питомец Зоопарка шимпанзе Моррис совсем непрочь выпить стакан чаю с сахаром или есть кашку простоявшей. А слониха Нона с удовольствием похрустывает сочной морковкой, так непохожей на экзотические плоды ее родины.

Вот и сейчас она досла морковь и с анетитом принялась за сахар. У нее чудесное настроение. Она выматывает, вычищая, потираясь под лучами искусственного горного солнца и теперь с удовольствием завтракает. Ее подруга Нора уже кончила есть, она переступает с ноги на ногу и сквашивает на служителя лужавый маленький гад. Нет. Нет у него в лапках еще одной белой крепкой лапшковой котеркажи или кусочка дрожжей?

Отдыхает после сытного завтрака бегемот Антон. Он стогт

в бассейне, положив на берег большую черную голову. На берегу лежит Маринка. Она еще совсем маленькая, вся величиной с голову Антона.

А пингвины еще не спали. Важно покачиваясь и рассудительно покачивая крыльями, пожимами на коротких ручках, пингвины гусяком направляются к дверям. Они ждут корма...

Утро. Познанивает бубенчиками крошечные осетки и птицы, запирающиеся в двухэтажные тележки. Словник роется в кувалдах. Биологичи спешат на свои места. Скоро откроются ворота — и хлынет шумный людской поток.

Вечные жители Зоопарка—золотистый популяк.

Весна! Весна! И здесь она радостнее, ярже и познатнее.

Поя по дорожке и аллеям Зоопарка растекается веселый толпа, пока одни с альбицином разглядывают невиданных до сих пор ярославских птиц, а другие толкуют возле громадных задумяющих салонов, пока ребята с улоем катятся на осетках, — в кабинете директора идет совещание.

Если поспешит здесь и поспешит, о чем говорит, то кажется, что взрослые, серьезные люди рассуждают друг друга скучно. Красные, интересные и фантастические.

Они говорят о гигантских виварных, где будут драться скорпионы и ползать мохнатые пауки-птичницы. О страшных морских чудовищах, проламывающих за стек-

Проплывает рыба-сери, маленький серебряный палтус...

лом в тяжелой зеленой воде. О кокосовых крабах, которые будут жить в рою кокосовых пашаках, где будут бродить амурские тигры, усудерженные и бесшумные, забавные, что они в немале. О чудовищных змеях, собранных со всего мира. Они говорят о новом Зоопарке, который будет восторженнее и интереснее столиц — Ижмайоле.

Пройдет несколько лет, и эта мечта осуществится...

...Круторогий горный козел и его дружелюбное детеныш.

не находят примет у этой женщины. И звери и птицы привыкают к ней, любят ее морщинистые ласковые руки, выматывающие глаза, негрозкий голос.

Гаснет свет в маленьком домике. Качаются ветви деревьев, медленно проламывает между ними узкий, молодой весенний месец.

Темнеет причудливо серое здание аквариума. Здесь все так же, как и днем. Под яркими теплыми лучами электрических ламп между узкими точками водных растений медленно проплывает рыба-сери, маленький серебряный палтусец, так похожий на тот, что лавает сейчас над Зоопарком.

Китайские бойцовые рыба-петушки, синие, алые и белые,

Возле медведя тоже непрочь поиграть.

Важно покачиваясь, идут гусяком пингвины.

ОБОРОНА СССР

В РИСУНКЕ И ИЛЛЮСТРАЦИИ

В Центральном доме работников искусств в Москве была устроена выставка рисунка, иллюстрации и плаката, посвященная обороне СССР. На этой странице мы помещаем несколько репродукций с работ участников выставки.

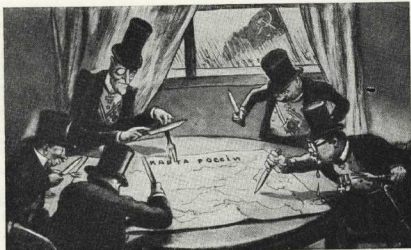
1.

2.

4.

3.

1. «Возвращение с маневров» — Д. А. Шмарина (1940 год). 2. «За родину» — В. В. Цегалова (1940 год). 3. «Делать шкуру неубитого медведя» — Кукрыниксов (рисунок к III тому «Истории гражданской войны»). 4. «Зенитная батарея» — П. Я. Кирпичева. Автолитография (1939 год).

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Угелъ.

Задача № 140
А. Дюбрингидзе
(Абастуманы)

Задача № 141
Р. Пономарев
(Москва)

Задача № 142
П. Шпилевой
(Кировград)

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 143
И. Алешин
(Смольный)

Мат в 2 хода.

Задача № 144
В. Федоров
(ст. Некура, Ярослав-
ской ж. д.)

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Задача № 145
Г. Зубрич
(Кировград)

МАТЧ ЛЕВЕНФИШ — АЛАТОРЦЕВ

В феврале — марте происходил матч на звание гроссмейстера между экс-чемпионом СССР гроссмейстером Г. Я. Левенфишем и мастером В. А. Алаторцевым. Матч окончился с результатом 8½ : 5½ в пользу Левенфиша.

Приводим одну из интересных партий матча.

Шестая партия

Играл 27 и 28 февраля

Защита Нимцовича

Алаторцев Левенфиш

I. d2—d4 Kc8—f6

Выжидательный ход с целью вынудить дальнейшие замещения белых.

2. e2—e4 e7—e6

3. Kf1—e3

Избежать последующей «эваски» 3... Сb4 белые могут, проложив 4. g2—g3 b5. Сe2 и 6. Kf3 или играя 4. Kf3 и затем 5. g2—g3 и 6. Сd2, с тем чтобы на 4... d5: c4 немедленно отыграть пешку ходом 5. Fh4 +

3... Сf8—b4

Начало системы защиты, предложенной покойным гроссмейстером Нимцовичем. Ее идея — дальним фигурами в пешками на центр белых претягивать нормально развитую их ферзевую слона на f4 или g5.

4. e2—e3

Так хотя игрок безусловно последнее время, но этим ходом белые не могут принудить черным затрудниться в развитии.

Кроме этого хода возможны следующие продолжения:

1. a) 4. e2—e3 Сb4: c3 5. b2: c3 c7—c5 6. Фd1—c2 Kf8—c5 7. Kd1—d7—d5 8. e2—e3 0—0 с приблизительно равной игрой.

б) 6. f2—f3 (вместо 6. Фe2) ... d7—d5 7. e2—e3 0—0 и далее на 8. c4: d5 Kf6: d5, а на 8. Сd3 d5: c4 9. Сd3: c4 Фd8—c7—e в обоих случаях к выгоде черных.

II. 4. e2—e3 0—0 5. Фd1—c2 или 5. e2—e3 d7—d5 и 6... Kb7.

III. 4. Фd1—b3 Фd8—e7, 4. c7—c5 и 4... Kf8—e6.

IV. 4. Фd1—e2 c7—c5 4... d7—d5 4... Kf8—c6 и далее d7—d6 или пешку 4... d7—d6 с целью создать опорный пункт на e5.

Последние две системы часто применяются черными последние время в ответ на 4. Фe2

4... 0—0
5. Сf1—d3 d7—d5
6. Kc1—f3 c7—c5
7. e2—e3 Сb4—a5

8. Фd1—e2

Последние два хода белых меняют порядок ходов 2-й и 4-й партии матча, судя по дальнейшему, к выгоде черных.

8... Kf8—d7
9. 0—0 Кb5—c71

10. e4: d5

Соединит у черных извращенную пешку, но хорошую фигурную игру.

10... e6: d5
11. d4: c5 Кd7: c5
12. Кc3—b5

С целью овладеть полем d4, которое все равно находится в распоряжении белых. Поэтому последовательнее было 12. Сe2 и

13. Лf1—d1, или если не жалеть слона на d3, то 12... Лf1—d1 с угрозою Кc5: d5. Эту важную угрозу нейтрализованную пешке белые снимают своим последним ходом.

12... Сc7—b5

Само собою разумеется, слона необходимо сохранить и в то же время начать атаку пункта e3!

13. K2—b4

Едва ли правильная оценка позиции. Скоро выяснится, что ферзевый слон необходим для защиты королевского фланга и мало полезен по направлению на b2. Заслуживало предложения 13. Сd2, например Кc5—e4 14. Сb4, или 13... Сc8—g4 (с угрозою 14... Лf8) 14. Kf3—e5.

13... Кc5—e4
14. Сc1—b2 Сc8—g4!

15. Лf1—d1

Вероятно, решающая ошибка. Необходимо было очистить поле d3 для ферзя, прогнав 15. Сe2 и на Лc8 16. Фd3.

15... Лa8—c8
16. Фc2—b3

Мешали былом было бы 16. Фc2—e2 и в том же... Кc5—17. Кd4, но и в этом случае положение черных было явно незавидным.

16... Сg4: f3
17. g2: f3

17... Кe4: f2!

В связи с задуманной жертвой второго коня прекрасная комбинация, обеспечивающая черным, по меньшей мере, ничью безматом.

18. Kf1—e2 Kf6—g4+
19. Kf2—g3?

Следовало принять вторую жертву. После 19. f3: g4 Фh4+ 20

Kf2—g2! Ф: g4+ 1. Kf2—g2—f2 Фg4—f4+ 2. Kf2—g2 черным было бы искуство найти при ограниченном времени на обдумывание ходов форсированной выигрши. Если, например, 22... С: e3, то 23. Лd1—f1, и атака черных конем.

19... Лf8—e8 Kf4: e3
20. f3—f4 Лc8—d7
21. Лg1—g1 Фd8—d6
22. h2—h3 Лe6—h6
23. Лf1—h1 Лb3—b1
24. Лh1: h3 Фg4—g4+
25. Kf3—f2 Фg4—g2+?

Сразу решало 25. Фg4: h3, например 26. С h1 Кd4 Лf8—e8, и белым не спаслись.

26. Kf2—e1 Фg2: h3
27. Kf5—d4 Фh3—g3+?

И здесь еще вело к выигрши 27... Лf8—e8

28. Kf1—d2 Фg3: f4?

Окончательно пропуская 28. Лf8—e8

29. Сd3: h7+!

Это черные упустили из виду!

29... Kf8: h7
30. Лa1—h1+ Кf7—g8
31. Фb3: e3 Фf4: e3+

Лучшего не вышло

32. Kf2: e3 f7—e6
33. Kf3—e3 Лf8—f8
34. Kf4—e2 Kf8—f7
35. Лh1—h5 g7—g5
36. Лf5—h6 Лf8—e6
37. Сd2—d4 Кf7—g7
38. Лf6—h1 Kf7—g5
39. Сd4: b5 Лe7: b6
40. Кc2—e3 Лf6—e6
41. Лh1—a1 f6—f5
42. Кc3: d5 f5—f4
43. b4—b5

Здесь черные записали свой 43-й ход, и на следующий свой партия продолжалась:

43... Лf6—e6 44. Лa1—e1

45. Kf5—f5 Лc1—e5 47. Лf3: 46. Kf5—f4+ Kf6—f5 47. Лf3: e5+

Kf5: e6 48. Kf4—h5! Кe5—d5 49. e3—e4 Kf5—e5 50. Kf3: c3 Kf5—d5 и на 53-м ходу согласился на ничью по времени ходов королей.

Примечания мастера А. И. РАБИНОВИЧА

ЧЕМПИОНЫ МИРА

ВИЛЬГЕЛЬМ СТЕЙНИЦ

«Атаковать во что бы то ни стало!» — таков был девизный девиз корифей шахматного искусства в начале и середине XIX столетия.

Проматривая партию Андерсена, Лукевича и других мастеров того времени, можно увидеть, что блестящие комбинации нередко построены на шаткой основе. Стоило бы противнику лучше задуматься, умело использовать слабости в позиции атакующего — и весь великолепный замысел сразу же рухнул бы. Но тогда не любил и, главное, не знал искусства анализа.

И вот появился шахматист, который совсем не стремился с первым же ходом перейти на штурм неприятельских позиций; который явно предпочел стратегия открытой игры медлительное логичное развитие, закрытую до поры до времени позиционную игру. Он мог много часов бороться за по-

лучение ничтожного позиционного преимущества, которое затем превращал в решающее превосходство.

Это был Вильгельм Стейниц. Он родился в мае 1836 года в Праге. В 1862 году его имя уже встречается в списке участников второго международного шахматного турнира в Лондоне. Затем Стейниц выступает в ряде матчей. В 1869 году он одерживает победу над сильнейшим шахматистом мира А. Андерсоном.

Счет матча был +8 — 6 в пользу Стейница.

После этой победы за В. Стейниц закрепилось звание чемпиона мира. Он носил его до 1894 года.

Умер Стейниц в феврале 1900 года. Только после смерти чемпиона шахматный мир по заслугам оценил мастерски разработанные им новые идеи шахматной борьбы.

Стейн был первым, кто вместо безударной, ударной атакой положил в основу партии глубокий стратегический расчет. Атака должна быть позиционно обоснована — такова одна из главных причин успеха Стейна.

План — основа шахматной партии, планет другой его важный принцип. План строится на тщательном учете всех особенностей позиции. Следует учитывать при этом такие моменты, как перемены в материале и развитии владения центром, опасное положение неприятельского короля; нельзя пренебрегать и таким элементом, как слабые поля, невыгодное расположение пешек и т. п.

До наших дней развивается стиль, который был введен в практику шахматной борьбы.

Вот одна из партий турнира в Гастинге (1895 г.).

Белые (Стейн): Крg1, Фe2, Лe1, e1, Кf3, п. a2, b2, d4, f2, h2, h3.
Черные (Барделен): Крf8, Фd7, Лa8, h8, Ke7, п. a7, b7, c8, f6, g7, h7.

Что же произошло здесь?

17—44—61
Белые жертвуют пешку, чтобы ввести в игру коня.

17. Кf3—d4! Кс6—d5
18. Kd4—e6 Крe8—f7
19. Kd4—e6 JIh8—g8
20. Фe2—g4 g7—e6
21. Ke6—g5+! Крf7—e8

Ясно, что сматать коня пешкой нельзя; терпится ферзь.

22. Le1: e7+!! Крe8—f8
Если 22... Крe8: e7, то 23. Le1—e1+ Крe7—d6 24. Фe4—b4+ Крb6—c7 25. Kc5—e6+ Крc7—b8 26. Фb4—f4+ и т. д.

23. Le7—f7+!! Крe8—g8
24. JIг7—g7+!! Крg8—h8
Если 24... Крg8—f8, то 25. Кc5: f7+ и c выигрышем.

25. JIг7: h7+!! Крh8—g8
26. JIh7—g7+ Крg8—h8

Теперь белые дают мат в девять ходов:

27. Фe4—h4+ Крh8—g7
28. Фh4—h7+ Крg7—f8
29. Фh7—h8+ Крf8—e7
30. Фh7—e7+ Крe7—e8
31. Фe7—e8+ Крe8—d8
32. Фe8—f7+ Крd8—d8
33. Фf7—h8+ Фd8—e8
34. Kc5—f7+ Крd8—d7
35. Фh8—d8+ Крd7—d8

После этого хода Барделен молча поднялся и покинул зал. С большими трудом угорюнил его продолжать турнир.

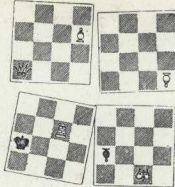
Двойная задача

(шутка)

На четырех кусках картона художник изобразил шахматную доску с расставленной на ней задачей-двухходовкой.

Однако он забыл, в каком порядке следует сложить эти части.

Не возьмитесь ли вы сделать это и решить задачу?

Решения («Семь» № 3)

Задача № 139 А. Студенческая
1. h3—h4 Крd5—e4 2. Сd7—g4
Крe4—f4 3. Лb6—e4×. Если 2...
Крe4—d5, то 3. Сg4—f3×. 2...
Крe4—e3 3. Сg4—f5×.

Этап № 24. В. Платова. 1. b6—b7 Лf4—d5+ (если 1... Лf4—d5, то 2. Кe8—d6+ и затем 3. Кe8—c8) 2. Кра5—b6! Лd5—d8 3. Кe8—d6+ Крe4—f3 (или e3) 4. Кра6—e8 Лd8—d1 5. Кe8—d6 Лd1: d6+ 6. Крb6—c7 и выигрышают.

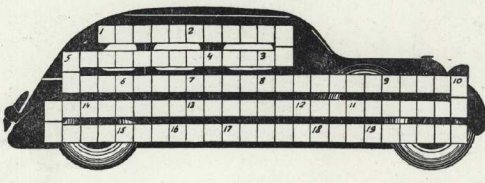
ЧАЙНВОРД

Составил И. Вишняков

- Значение слов:
- 1—различитель, видного толпыла в двигателях,
 - 2— прибор для охлаждения воды в двигателях внутреннего сгорания,
 - 3— часть корпуса фрезовала,
 - 4— прибор, определяющий высоту полотна,
 - 5— крепление спая,

- 6— морской инструмент для определения высоты солнца,
- 7— выключатель и коммутационная машина,
- 8— часть прибора для опытов над магнитным действием тока,
- 9— печь для выжигания чугуна,
- 10— аппарат, в котором вода подвергается действию высокой температуры, при высокой давлении,

- 11— часть самолета,
- 12— двигатель,
- 13— прибор, позволяющий атмосферное давление,
- 14— воздушный насос,
- 15— прибор для работы под водой,
- 16— бомба, применяемая для работ под водой,
- 17— воздушный гай,
- 18— воздушный гай,
- 19— воздушный гай,
- 20— воздушный гай,

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 3 «СЕМЬ»

СЛОВА ПО РАДИУСАМ: 1. Фаянз. 2. Фаянз. 3. Фаянз. 4. Батый. 5. Чепол. 6. Капюль. 7. Атлас. 8. Железо. 10. Араб. 12. Микс. 14. Липр. 16. Маас. 18. Гобюк. 20. Форт. 22. Дук. 24. Обок. 42. Бани. 44. Кемь. 46. Яань. 48. Муха. 50. Мата. 52. Ярды. 54. Лоты. 56. Руко. 58. Саранос. 60. Драма. 62. Индонезия. 64. Роголо. 66. Лештан. 68. Югтай. 70. Дамльям. 72. Опер. 80. Фа. 92. Ары. 84. Ал. 98. Скол. 98. Ар. 100. Маан. 102. Ах. 104. Оман.

30. Отто. 31. Чугун. 32. Фаянз. 33. Соло. 34. Оман. 35. Номы. 36. Чугун. 37. Оман. 38. Иорд. 39. Вене. 40. Отто. 41. Дуб. 43. Зан. 46. Бюб. 47. КИМ. 49. Оман. 51. Сом. 53. Кал. 55. Тур. 57. Оман. 58. Аман. 61. Оман. 63. Адуз. 65. Уэльс. 67. Яань. 69. Редд. 71. Оман. 73. Тур. 74. Аман. 76. Иорд. 77. Оман. 78. Юг. 79. Иман. 80. Аман. 81. Оман. 82. Аман. 83. Иорд. 84. Оман. 85. Кемь. 86. Аман. 87. Аман. 88. Иорд. 89. Тур. 91. Кемь. 92. Ары. 93. Маас. 97. Оман. 99. Лом. 101. Иман. 103. Аман. 105. Микс. 108. Аман. 109. Форт. 108. Деса. 109. Хомут. 110. Руголо. 111. Атлет. 112. Оман. 113. Иорд. 114. Аман. 115. Деса. 116. Саан.

СЛОВА ПО ОКРУЖНОСТИ: 9. Иорд. 11. Золн. 13. Уэльс. 19. Аман. 17. Тур. 19. Хаос. 21. Круг. 23. Лент. 25. Иорд. 26. Рова. 27. Шорс. 28. Иман. 29. Аман.

30. Отто. 31. Чугун. 32. Фаянз. 33. Соло. 34. Оман. 35. Номы. 36. Чугун. 37. Оман. 38. Иорд. 39. Вене. 40. Отто. 41. Дуб. 43. Зан. 46. Бюб. 47. КИМ. 49. Оман. 51. Сом. 53. Кал. 55. Тур. 57. Оман. 58. Аман. 61. Оман. 63. Адуз. 65. Уэльс. 67. Яань. 69. Редд. 71. Оман. 73. Тур. 74. Аман. 76. Иорд. 77. Оман. 78. Юг. 79. Иман. 80. Аман. 81. Оман. 82. Аман. 83. Иорд. 84. Оман. 85. Кемь. 86. Аман. 87. Аман. 88. Иорд. 89. Тур. 91. Кемь. 92. Ары. 93. Маас. 97. Оман. 99. Лом. 101. Иман. 103. Аман. 105. Микс. 108. Аман. 109. Форт. 108. Деса. 109. Хомут. 110. Руголо. 111. Атлет. 112. Оман. 113. Иорд. 114. Аман. 115. Деса. 116. Саан.

В НОМЕРЕ:

С. ГРЕВСКИЙ — Бегущий в лесу (очерк); Э. КАПНОВ — Ленин (стихи); Е. СТАСОВА — Воспоминания о Владимире Ильиче; НИКОЛАЙ ПОГОДИН — Крестьяне Куляны (отрывок из пьесы); МАРГАРИТА АЛИГЕР — Хотта — тавец басков (стихи); В. КАВЕРИН — Два капитана (отрывок из романа); Я. СМЕЛЯКОВ — Владимир Маяковский (стихи); ВЛАДИМИР МАКОВСКИЙ — Секрет молодости (стихи); Маяковский в «Семье»; Изучите Маяковского; МИХАИЛ РОММ — Формула рекорда (очерк); Легкая атлетика (фотоочерк); МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ — Расправна (рассказ); Е. ГРОШЕВА — Гордость русской музыки (стихи); НИКОЛАЙ ИВЛЕВ — Кулгач (рассказ); Евг. ВОРОБЬЕВ — Знакомые лица (очерк); Л. КУРТ — Куляны на слухе (очерк); Е. УСПЕНСКАЯ — Ночью в зоопарке... (очерк); Оборона СССР в рисунке и иллюстрации. Шахматы. Чайнворд. Рисунки: Г. Васильева, В. Пророкова, В. Батыгина, В. Урман. Фото: И. Филурова, А. Шапката, Н. Волкова.

НА ОБЛОЖКЕ: На байдарках по реке Пахре. Фото М. Еркова. НА ОБОРОТЕ ОБЛОЖКИ: Весна в зоопарке. Фото Л. Велижанина.

Ответ редактор Ф. И. Наседкин. Зам. ответ редактора М. Л. Гольберг. Ответ секретаря редакций М. Г. Осипов. Адрес редакция: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-34-24. Оформление В. И. Перля.

Славо в набор 8/III 1940 г. Подписано к печати 14/IV 1940 г. Изд. № 392. Формат 72×110 см. 4 печ. л. 98 000 экз. в пер. л. Уполномоченный Главлита № А—26154. Технический редактор Б. М. Фейгин. Зак. 920. Тираж 45 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 рубль

